

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ УРАЛА

ДРЕВНОСТЬ УРАЛА

- "В поисках первых
земледельцев на Урале"
- "Древние камнедобытчики Урала"
- "Дорогами арийских колесниц"
- "Аркаим"
- "Саргатские курганы"
- "Незримые гунны"
- "Сыновья крылатых волков"
- "В стране маджуджей
и яджуджей"
- "Путешествие в Югру"
- "Загадки столицы Сибирского юрта"

выпуск 2

ББК 63.3(2Р36)

Д 73

Очерки истории Урала

выпуск 2
(учебное пособие)

Редакционная коллегия:

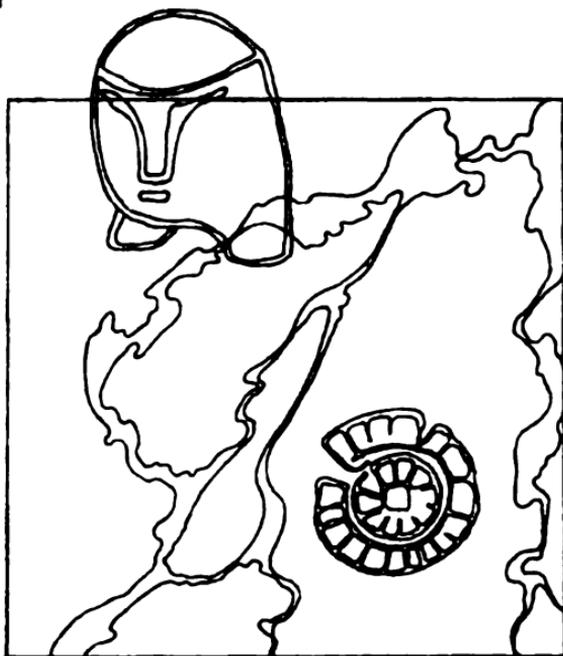
Н.А.Миненко – главный научный редактор
В.П.Лукьянин – главный литературный редактор
Е.Ю.Рукоусев – ученый секретарь
Б.Б.Овчинникова – редактор выпуска
В.И.Филлипова
З.М.Ковалевская
М.П.Никулина
Е.В.Черняк
Ю.В.Яценко

Художественное оформление
Ю.А.Колинько

Компьютерная верстка
А.В.Кошелев

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ УРАЛА

выпуск 2

**ДРЕВНОСТЬ
УРАЛА**

ВВЕДЕНИЕ

Седой древний Урал. Какие народы, какие этнические образования или племена жили здесь тысячи, сотни тысяч лет назад? О чем рассказывают памятники быта, культуры, оставленные людьми? По крупицам собирают археологи, антропологи, лингвисты, историки мельчайшие сведения о древности, кропотливо изучают их и воссоздают тот таинственный и загадочный мир, мир наших далеких предков, их соседей и прокочевавших через наши места народов.

До того, как на Урале появился первый человек прошли миллионы лет. За это время Урал претерпел много изменений. Около шестидесяти миллионов лет назад климат был жарким, а на месте гор поднималась невысокая холмистая равнина. Вечнозеленые тропические леса и сухие редколесья с вкраплением пальм и лавра простирались к северу и западу. С востока и юга их окружали мелководные моря. Но со временем вечнозеленая флора была вытеснена листопадной, стали господствовать леса из дуба, бука, каштана, ольхи и березы. Именно тогда, около 25 миллионов лет назад, и начались изменения в рельефе: Урал из мелкосопочника постепенно превратился в среднегорную страну. Вершины покрылись тайгой. Климат стал холодным. Близилась ледниковая эпоха. Ученые-геологи отмечают несколько покровных оледенений: северная половина будущего Урала скрывалась под ледяным покровом, а на юге все было занято холодной березово-сосново-лиственничной лесостепью. К этому времени, а историки называют его палеолит, и относят ученые первые стоянки пришедших на Урал древних людей.

Известно, что Уральский хребет находится между двумя основными очагами мировых цивилизаций – Европой и Азией, поэтому в истории своих племен он представляет картину непрерывного взаимодействия влияний Востока и Запада. Разнообразие рельефа, климатических и ландшафтных условий Урала с неизбежностью вели к цестроте культурно-хозяйственных укладов, возникших уже с палеолита и оказавших влияние на дальнейший ход исторических событий.

Освоение человеком Урала – длительный тысячелетний процесс. В настоящее время известны десятки тысяч памятников, отражающих многовековую историю края. Самые древние *стоянки* – в урочищах Пещерный Лог на реке Чусовой, Крутая горка на Печоре, в Усть-Катавской и Игнatieвской пещерах Челябинской области, в гротах Безымянном около Сухого Лога и Зотинском вблизи поселка Багаряк в Свердловской области, в Шульган-Таш (Каповая) в Башкирии и так далее.

В последующую эпоху новокаменного века (неолита) на Урале уже создаются первые *поселения*. На Горбуновском торфянике под Нижним Тагилем археологами открыто болотное поселение, в виде остатков деревянных домов с глинобитным полом и легкой берестяной крышей. Возле

поселения найдены большие деревянные идолы и масса хорошо сохранившихся костяных и деревянных орудий труда и оружия.

С середины III тысячелетия до н.э. (в эпоху бронзы) происходят крупные перемещения племен на север, в лесную зону. II тысячелетие н.э. вошло в историю Урала как начало становления древнего уральского металлургического центра. Характерной чертой дальнейшего развития является формирование в I тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э. больших этнических общностей на довольно обширных пространствах. Именно в I тысячелетии до н.э. в Среднем Зауралье сложился самый мощный в крае очаг по добыче медной руды и производству орудий и оружия, экспорт которых достигал Прибалтики и Дона.

В I тысячелетии н.э. происходят крупные сдвиги в развитии производительных сил, повлекшие за собой и резкие изменения в общественной организации этнокультур. Из железа стали изготавливать основные орудия и оружие. Развитие новых форм хозяйства привело к распаду больших хозяйственных коллективов. Все эти процессы неразрывно были связаны на Урале с крупными перемещениями многих групп древнего населения. Под натиском гуннов и их союзников угорско-тюркские племена вынуждены были отходить на новые территории.

Десятый век являет собой становление новых отношений средневекового общества. Просуществовало оно до того времени, “когда основные структуры средневековой цивилизации уже сложились, но еще не начали размываться элементами нового – индустриального общества”. Для Европы это был период X – XIV веков, а на Урале он продлился по XV век. Связи с русскими феодальными княжествами ускорили процесс складывания феодальных отношений у народов Урала.

Мы надеемся, что последующие страницы помогут разобраться в этом длительном и сложном периоде древности края, узнать и полюбить его еще больше. Урал – горная страна, вольно раскинувшаяся на две тысячи километров от Северного Ледовитого океана до Южных степей Оренбуржья. “Каменным поясом” называли этот хребет с седой древности и вплоть до XVII века, когда в официальных документах местной администрации утвердился за ним термин “Урал”. Географическое положение определило своеобразие его наследия, вобравшего все ценное, что есть в природе, экономике и культуре как Европы, так и Азии, а также Севера и Юга России.

Б.Б.Овчинникова,
профессор, действительный член
Академии гуманитарных наук.

Л.БОГОЯВЛЕНСКИЙ

В ПОИСКАХ ПЕРВЫХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ НА УРАЛЕ

Свидетельства былого

В каком направлении, по какой бы дороге мы ни выехали из Екатеринбурга, непременно увидим за его пределами сады, белым цветом залитые весной, картофельные поля, зеленеющие летом густой ботвой, и нивы с тяжелым золотистым колосом осенью. Рядом хвойный лес, островки березовых рощиц, а в отдалении голубые цепочки гор.

Но не всегда так выглядел уральский пейзаж. Было время, когда на месте этих благодатных угодий, созданных усилиями человека, высокой стеной стояли дремучие леса, а чуть далее к югу просторным морем разливались полынно-ковыльные степи. И человек, обитавший здесь, не знал еще ни запаха, ни вкуса хлеба. Он не умел его возделывать, не был земледельцем. Когда же, в какую эпоху человеческой истории зародилось на Урале земледелие?

Не так давно газета "Уральский рабочий" напечатала заметку корреспондента ТАСС Г.Трусова:

"Бронзовый серп, найденный недалеко от города Пермь, изменил представление археологов о времени зарождения земледелия в долине реки Кама.

— Более трех тысяч лет пролежало в земле это орудие земледельцев эпохи бронзы, — сказал участник раскопок, кандидат исторических наук Ю.Поляков. — До сих пор нам попадались каменные песты и зернотерки — косвенное доказательство того, что предки современных коми и коми-пермяков занимались не только охотой, рыболовством и собиранием съедобных трав, но и были знакомы с земледелием. Серп — доказательство того, что культурное земледелие было известно в долине Камы на тысячу лет раньше, чем считалось".

В этой заметке обращают на себя внимание два обстоятельства. Первое — район находки: Среднее Прикамье. Он не случаен. Кама с ее притоками Чусовой, Белой, Вяткой была одним из великих путей расселения древнего человека по Евразии. С нею связаны многие события в истории Урала. Именно в Прикамье найдены древнейшие на Урале следы человека.

Второе же вот в чем. Археолог Ю.Поляков не сказал "как известно". он сказал "чем считалось". ибо нет еще единого мнения о времени зарождения уральского земледелия. Долгим и сложным

был путь хлеба на Урал. По крупичам собираются и складываются воедино свидетельства истории Уральского земледелия. Одним из таких свидетельств стал тот самый бронзовый серп, найденный под Пермью.

В гротах и пещерах неандертальца

Эпоха раннего палеолита на Урале. 100 – 35 тысяч лет назад.

Было время, когда в уральских лесах не слышался голос человека. Урал не относится к тем районам Земли, где возник род человеческий. На Урал человек пришел извне.

Неандертальцы пришли на Урал из Европы, Передней и Средней Азии. На Южный Урал – по восточному побережью Каспийского моря и реке Урал. А из Европейско-Кавказского центра, по Волге и Каме, – на Средний и Северный Урал. Произошло это многие десятки тысяч лет назад.

В 1939 году археолог М.В.Талицкий обнаружил стоянку неандертальца у Пещерного Лога на правом берегу Чусовой надалеко от впадения ее в Каму. По найденным здесь каменным орудиям, специалисты определили древность стоянки в 75 тысяч лет. Значит 750 веков назад неандертальцы уже жили на Урале. Но археологи предполагают, что заселение бассейна Камы началось много раньше.

А.В.Яблоков в книге "Мир эволюции" характеризует неандертальца как первоклассного охотника. Он умело выходил победителем в борьбе с такими великанами, как мамонт, носорог, пещерный медведь. Умел добывать огонь искусственным путем, сооружать примитивные жилища, изготавливать одежду из шкур зверей. Обладал человеческой речью и разумом. Ростом был чуть ниже среднего современного человека. Некоторые, ярко выраженные черты его лица – покатый лоб, выступающие вперед надбровья – встречаются порою и сегодня.

Питался неандерталец мясом добытых им диких животных. Поедал и плоды окружающих его растений. Но зерна в землю для прорастания не бросал, земледельцем не был. Его историческая заслуга в исследуемом нами вопросе, заключается в том, что он первым стал обживать уральскую землю.

Новые люди Урала

Эпоха позднего палеолита. 35 – 12 тысяч лет назад.

В середине последнего, Вюрм-Валдайского оледенения (40 – 30 тысяч лет назад) на Урале появился кроманьонец, человек уже современного типа.

Яблоков в упомянутой выше книге пишет: "Существует несколько противоречивых гипотез относительно того, где именно возник современный вид людей – "Человек разумный". Наиболее убедительная из них говорит, что это произошло где-то в Восточном Средиземноморье и в Передней Азии. Расселяясь по всей Ойкумене ("ойкео" по-гречески – "населять", *Ойкумена* – совокупность областей на Земле, населенных человеком), люди современного типа широко смешивались с живущими в этих местах неандертальцами. Вряд ли это всегда сопровождалось истреблением аборигенов, скорее это было настоящее слияние, скрещивание, при котором начинала безраздельно преобладать новая культура, которую несли первые люди современного вида – кроманьонцы (по названию пещеры Кро-Маньон во Франции, где были сделаны первые находки).

Безраздельная победа кроманьонцев над неандертальцами была определена силой разума, силой общественной организации.

Биохимические особенности крови, некоторые мельчайшие, имеющие наследственную природу, признаки строения скелета, вместе с анализом различных культурных традиций и археологическими данными позволяют восстановить пути этого победного шествия Человека разумного по Ойкумене.

Одна ветвь расселения людей была направлена на восток – в Юго-Восточную, Восточную и Северо-Восточную Азию, Австралию и Океанию. Воспользовавшись возникшим около 40-50 тысяч лет назад перешейком суши между Северной Америкой и Северной Азией – так называемым "берингийским мостом", лежавшим на месте современного Берингова моря, – эта ветвь рода человеческого проникла в Новый Свет (сначала в Северную, а потом и в Южную Америку). Так образовалась азиатско-американская (монголоидная) раса.

В другом направлении расселение шло на юг – в Африку, где сформировалась экваториальная (австрало-негроидная) раса.

Наконец, третье направление расселения – в Европу и в Западную Азию – дало начало формированию европеоидной расе.

Интересно, что европеоидная и негроидная расы по многим особенностям биохимического состава крови ближе друг к другу, чем к монголоидной расе, и, вероятно, имеют общее происхождение. Поэтому предполагают, что разделение человечества на монголоидную и европеоидно-негроидную большие расы произошло раньше того, как негроиды отделились от европеоидов”.

На пути первой ветви расселения людей лежал Урал, и какая-то масса монголоидов задержалась здесь. Европеоиды, расселяясь по Восточной Европе так же вышли к Прикамью и Уралу. Так уральская земля сделалась территорией многотысячного смещения европеоидного и монголоидного элементов и взаимодействия их культур. Тогда же обозначились две зоны заселения Урала, разделенные его хребтом. А различие природных условий по разные стороны хребта отразилось на особенностях образа жизни людей и формирующихся культур.

В позднем палеолите Урал был заселен уже довольно плотно. Теперь люди занимали не только пещеры, как это делали неандертальцы, но и устраивали укрытия вне их. На время охоты сооружали легкие, сезонные, наземные жилища типа шалаша из ветвей или жердей, покрытых звериными шкурами. Для длительного пребывания строили долговременные полуземлянки с очагом внутри для обогрева и приготовления пищи. Строительным материалом иногда служили кости мамонта и рога оленя. На сооружение одного жилища из мамонтовых костей площадью 23 квадратных метра (открытое и изученное на Украине, оно было общим для жилищных построек того времени) потребовалось, по подсчетам археологов, не менее 95 мамонтов. Можно представить, какое количество этих гигантов убивал человек.

В конце палеолита началось таяние ледника. Изменился климат, наступило резкое потепление. В связи с этим, а так же под мощным антропогенным воздействием численность мамонтов на Урале резко сократилась, а к концу палеолита и началу мезолита они вовсе исчезли.

Изменение окружающей среды изменило образ жизни позднепалеолитического человека. Как и неандерталец, он был охотником, но теперь объектом его охоты стали мелкие животные. На одной из позднепалеолитических стоянок археологи обнаружили кости более 30 видов млекопитающих – медведя, оленя, лося, лошади, косули, сайги, кабана, волка, зайца, лисицы, бобра и других зверей. А еще кости птиц и рыб.

В дополнение к охоте появилось рыболовство. А оно вынуждало человека переходить к оседлости, надолго задерживаясь на берегах рек и озер. А где оседлость, там и домашнее хозяйство, сезонные заготовки. И соби́рание даров природы становится постепенно отраслью хозяйства, хотя еще только зачаточной, второстепенной. Но никаких признаков земледелия в позднем палеолите не проявилось. И только в следующую эпоху, в мезолите, они стали чуть-чуть обозначаться.

Женщина изобретает земледелие

Эпоха мезолита, 10 – 6 тысяч лет до н.э., и неолита, 5 – 3 тысячи лет до н.э.

Мезолит, средний каменный век, предшествующий неолиту, новому каменному веку, был переломным моментом в жизни человечества, важнейшим этапом его истории, эпохой поисков и всеобщего экспериментирования. Мезолит – это период подготовки социальных условий для неолитической революции, которая представляла собой процесс широкого одомашнивания животных и окультуривания растений.

Символ мезолита – лук и стрела с острым наконечником, изготовленным из тонкой каменной пластинки, изобретенные мезолитическим охотником. Признак неолита – керамика, глиняная посуда с нанесенным орнаментом, символизирующим определенные представления человека о мире. А еще – деревянная мотыга.

Рубеж, отделяющий мезолит от неолита, – таяние ледника, конец оледенения. На Урале устанавливается близкий к современному климатический режим. Складываются современная флора и фауна. А на юге, на Ближнем и Среднем Востоке, в Средиземноморье резко повысилась температура, появилась чрезмерная сухость и, как следствие, произошло сокращение общей биомассы природы – растительности и животных, что повлекло за собой ухудшение условий жизни человека. Это вызвало миграцию народов.

В эпоху мезолита человек заселил и освоил все природные зоны Земли, началось перераспределение населения по планете. Усилился приток новых племен на Урал.

В его природно-географических областях и зонах стали складываться и формироваться те языковые племенные сообщества, союзы и группы, которые положили начало будущим народам Урала.

Весь лесистый северо-восток Европы от Валдая и верховьев Дона до Урала был заселен предками финно-угорских и самодийских племен. Позже из этих племен выделились и обособились другие племена, создавшие свои языки.

Своеобразно складывалась обстановка на Южном Урале.

В эпоху неолита в южных районах Малой Азии и в Северной Месопотамии, объединяемых понятием Передняя Азия, жили и создавали свою весьма высокую культуру люди, составлявшие единую общность и говорившие на одном языке. Этот язык лингвисты называют индоевропейским, носителей его – индоевропейцами. Индоевропейцы дали начало далеким предкам многих современных народов, в том числе праславянам, праиталикам, прагерманцам, прабалтийцам, хеттам, индоиранцам...

Расселяясь по Ойкумену, индоевропейцы пришли на Балканы. По Дунаю двинулись в глубь Европы и на восток к Днестру и Днепру, на Русскую равнину, в Причерноморье, на Северный Кавказ и далее, вплоть до Средней и даже Центральной Азии. Потомки индоевропейцев, индоиранские племена, кочуя по степям от Днепра до Алтая, пришли на Южный Урал.

Вот так возникла на Урале этнографическая племенная мозаика, мозаика языков.

Образ жизни мезолитических племен Урала можно наглядно представить по образу жизни индейцев Северной Америки, прекрасно описанному Фенимором Купером и Джоном Таннером, белым человеком, 30 лет прожившим среди индейцев.

Хозяйство уральских племен в мезолите в целом оставалось охотничье-рыболовно-собираТЕЛЬским. Мезолитический человек по-прежнему только присваивал продукты природы, сам не производя ничего. Поскольку мы исследуем проблемы земледелия, не будем останавливаться на особенностях охоты и рыболовства, а рассмотрим подробнее собирательство, которое в силу изменившихся природных условий и социальной жизни становится важной отраслью хозяйства и регулярным, уже планируемым по срокам и по уголкам промыслом.

Сбором даров природы занимаются и мужчины. Например, при заготовке кедровых орехов. Но главным лицом в этом занятии оказывается женщина.

Охотник, собираясь на промысел, вооружается луком и стрелами, его сопровождает уже прирученная им собака. У рыбака – лодка, выдолбленная из осинового кряжа и рыбацкие снасти. Женщи-

ны, отправляясь за кореньями, берут с собой берестяной короб и копательную палку, которая была важным изобретением человека.

Копательную палку делали из прочной, чуть изогнутой ветви дерева длиной от 60 до 120 сантиметров. Рабочий конец заостряли в форме трехгранного клина или лопатки и для прочности обжигали. Верхний конец палки, чтобы держать ее было удобнее, закругляли.

На высоте от 10 до 30 сантиметров от нижнего, рабочего, конца в палке проделывали четырехугольное отверстие для псади, на которую при работе надавливали ногой. В некоторых палках делали два отверстия, для того, чтобы можно было копать на разную глубину. Педаль представляла собой достаточно широкий стержень с шейкой, которая вставлялась в отверстие палки.

Такие палки археологи нашли в поселениях на реке Пышме, озере Лятском и в других местах Среднего Зауралья. Были и иные конструкции копательных палок. Кроме того делали деревянные или из оленьего рога мотыжки. Эти мотыжки превратились позже в большие земледельческие мотыги.

Копательными палками и мотыжками извлекали из почвы луковицы, клубеньки и корни диких растений, таких, как черемша (по-народному – медвежий лук, или дикий чеснок), желтый гусиный лук, лилии (по-народному – саранки или царские кудри), лопух и многие другие.

Толстые стебли травянистых растений, такие, как ревень, борщевик (по-народному – пикан), дудник, а так же съедобные травы, например, щавель, срезали специально для этого изготовленным ножом. Нож представлял собою прочную, чуть изогнутую деревянную или костяную рукоять с глубоким продольным пазом. В этот паз вдвигались вплотную одна за другой тонкие, с одной стороны остро отточенные пластинки из камня, которые и служили лезвием ножа. Траву срезали движением ножа на себя. Этот каменный нож был прообразом бронзового, потом железного серпа.

Кроме того собирали грибы, ягоды, орехи, мед шмелей и пчел, яйца птиц.

Из волокон крапивы, также, как из волокон конопли, плели веревки и делали ткани. Чип – тонкие стружки, соскобленные с мерзлой древесины осин, использовали, как ветошь.

Все это надо было еще сохранить, заготовить впрок, на зиму. Как видим, собирательство стало очень значимой отраслью хозяйства мезолитического человека, связанной с освоением природы.

Уже тогда присматривали за сохранностью лесных угодий, а клубни и некоторые корни женщины пересаживали ближе к дому на болото или в пойму реки, где было много ила и растения лучше приживались. Так в воображении человека ил становился символом плодородия. Так рождалась идея растениеводства. Историки говорят, что земледелие изобрела женщина.

Объективно появлению земледелия должна была предшествовать длинная цепь предпосылок: переход к постоянной оседлости в крупных поселениях, высокий уровень охотничье-собирающего хозяйства, значительная плотность населения, широкое применение растительной пищи, знание особенностей развития растений. Земледелию должно было предшествовать разведение домашних животных.

В мезолите у людей, заселявших Урал, кроме собаки домашних животных не было. Но в южноуральских степях пешая охота на копытных оказывалась малоэффективной и не обеспечивала человека мясом. И обстоятельства принуждали его содержать животных при доме. Так у южноуральских племен появились в хозяйстве овца, коза, корова, которых они позаимствовали у других народов. Дикую лошадь сделали домашней в степях между Уралом и Волгой. Охотники загоняли табуны диких лошадей в ущелья или в искусственные загоны, где длительное время содержали их "на мясо". Видимо, тут и возникло у охотника желание сесть верхом на коня и объездить его. Это был первый шаг к одомашниванию лошади.

Одомашнивание животных происходило в той общественной среде, где уже зарождались элементы земледелия. Скотоводство и земледелие взаимообусловлены самой природой. И не случайно народная мудрость гласит: где коза ходит, там жито родит.

Повторим что, прямых свидетельств о зарождении на Урале земледелия в мезолите нет. Складывались только его предпосылки, без которых оно не могло бы появиться в последующие эпохи. И процесс подготовки завершился лишь в неолите.

Где родилось жито?

Долго путешествовали по земному шару ученые – ботаники, генетики, селекционеры (в их числе был и академик Н.И.Вавилов) – прежде чем нашли на Земле те благословенные уголки, где

появились на свет первые культурные злаки. Те самые рожь, ячмень, овес, пшеница, что возделывают ныне уральские хлеборобы.

В тех уголках имелось все необходимое для жизни культурного злака: чистый горный воздух, достаточная влажность почвы, богатый гумус, умеренное тепло и обильное сияние солнца. А еще там произрастали дикие предки культурных растений.

Такие уголки Земли ученые назвали центрами происхождения культурных растений или очагами формирования культур.

Надо заметить, что термин "происхождение" не очень точен. Культурные растения не произошли сами по себе. Их вывел человек путем длительного отбора и селекции за много-много веков.

Древние люди называли земледелие даром Божиим, предпосланным свыше, ибо оно спасло человечество от гибели, от голодной смерти. Теперь человек не только присваивал готовый продукт природы, но и сам стал производить его. С земледелием, родилось производящее хозяйство. Возник культ матери-земли, земли-кормилицы.

Урал не относится к мировым центрам происхождения культурных растений. Длинной и долгой была их дорога на Урал. Некоторые из них были завезены сюда при обмене или пришли с переселившимися племенами.

Дикий ячмень человек превратил в культурный много тысяч лет назад. В VII тысячелетии до н.э. его уже возделывали в Передней Азии, Иране, Закавказье, Средиземноморье. В III тысячелетии до н.э. его стали сеять в Туркмении. Пшеницу и полбу (пленчатую пшеницу) выращивали в Передней и Средней Азии и в Египте уже в V тысячелетии до н.э. Рожь и овес явились в культуру сами. Дикая рожь, подобно васильку, засоряла посеvy пшеницы, за что ее прозвали "терзающая пшеницу". При неблагоприятных условиях пшеница выпадала, гибла, а рожь давала хороший урожай, и люди собирали его.

Овес засорял посеvy полбы. И происходило так: на месте полбы вырастали чистые овсы. Тогда люди сами стали высевать дикую рожь и овес, постепенно превратив их в культурные растения.

Горох, царь сельскохозяйственных культур, сеяли в VII-VI тысячелетиях до н.э. в горных районах Юго-Западной Азии, Афганистане и Индии. В каменном веке человек сделал культурными также лук, чеснок, бобы, морковь, щавель.

Академик Б.А.Рыбаков в книге "Язычество древних славян" пишет так: "Индоевропейцы V тысячелетия до н.э. предстают перед нами, как земледельческие племена с яркой и интересной культурой.

На протяжении почти целой тысячи лет (с середины V тысячелетия до н. э.) наблюдается расселение индоевропейских земледельцев в северном направлении. Первоначальный массив складывался южнее горного барьера (Альпы – Рудные горы – Карпаты), за которым в другое, более позднее время начали консолидироваться праславяне. При расселении этот барьер был пройден с юга на север через основные горные проходы, и земледельцы устремились в большие речные долины Рейна, Эльбы, Одера и Вислы.

Несколько иначе складывались обстоятельства восточнее Карпат: здесь уже не было горной преграды и контакты дунайских племен с земледельческими племенами по Днестру и Южному Бугу устанавливались проще.

В результате этого земледельческого расселения на огромном пространстве в Европе складывается более или менее единая культура племен линейно-ленточной керамики. Она простиралась от Рейна до Днестра и правых притоков Днепра... В неолите значительная часть будущей славянской прародины оказалась заселенной южными индоевропейскими земледельческими племенами.

В начале неолита, к середине IV тысячелетия до н.э., когда еще существовала индоевропейская языковая общность, в центральной части прежней линейно-ленточной культуры как продолжение ее формируются интересные культуры накольчатой керамики. На востоке формируется трипольская культура, в значительной мере вписывающаяся в рамки будущей прародины славян".

В 1980 году археологическая экспедиция Института археологии Российской академии наук, Удмуртского научно-исследовательского института, Удмуртского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и Сарапульского музея истории и культуры Среднего Прикамья производила раскопки археологического памятника "Непряхинская стоянка 10" на правом берегу Камы ниже города Сарапула по течению Камы вблизи деревни Непряха. Местная газета напечатала сообщение сотрудника Института археологии Л.Наговицина о находках этой экспедиции: "...Здесь было найдено много обломков керамики с

так называемым накольчатым орнаментом, который наносили путем прочерчивания заостренной палочкой с периодическими вдавливаниями по еще не высохшей поверхности сосуда. Археологи считают, что население, изготавливающее такую керамику, является пришлым для территории Прикамья. В последние годы несколько поселений с подобной керамикой найдены в низовьях реки Камы и на реке Вятке. Они датируются концом каменного века – эпохой неолита, примерно, IV–III тысячелетием до н.э.

Появление памятников с накольчатой керамикой в Прикамье связано, скорее всего, с продвижением новых племен, нежели с торговым обменом или какими-то связями”.

Культура накольчатой керамики индоевропейских земледельцев прослеживается на большом пути от Дуная до Камы, от Балкан до Урала и Среднего Зауралья, где она тоже обнаружена. Эта культура и принесла в Приуралье и в Зауралье навыки примитивного, мотыжного земледелия. Но потребовалось долгое время, чтобы эти навыки привились на уральской почве и вошли в жизнь и быт населения Урала.

В XVII–XI веках до н.э., в эпоху, по образному выражению академика Рыбакова, золотого века земледелия, энсолита, в низовьях Чусовой, на Каме, Вятке и их притоках обитали гаринско-борские племена (по названию деревень Гари и Бор), которые, по-прежнему продолжая заниматься охотой и рыболовством, уже держали домашних животных – свинью, корову, лошадь – и, обрабатывая землю деревянной мотыгой, выращивали злаки и овощи. Собранные зерна растирали каменными зернотерками и готовили из этой массы еду. Для посевов выбирали свободные от леса участки. Лес не вырубали. Это и были самые первые земледельцы Урала.

Вспомним, здесь же, в низовьях Чусовой обитали неандертальцы. Умел древний человек выбирать благодатные для него участки местности, на которых тысячелетиями не прерывается нить жизни.

В XIV–XI веках до н.э. на Каме и Чусовой занимались земледелием турбинские племена (по деревне Турбино на правом берегу Камы).

В XII–IX веках до н.э. территорию гаринско-борских племен занимают ерзовские племена позднего бронзового века, скотоводство и земледелие уже стали для них главными отраслями хозяйства. Возможно, им и принадлежал упоминавшийся в начале рассказа бронзовый серп, найденный под Пермью.

Археологическая культура ерзовцев имеет связь с гамаюнской культурой племен Среднего Закамья, которым они могли передать свои навыки земледелия. Второе тысячелетие до н.э. мы можем считать временем появления земледелия в Среднем Зауралье.

В VII–III веках до н.э., в эпоху раннего железа, в Прикамье у населения ананьинских племен (по селу Ананьино близ Елабуги) складывается подсечно-огневое мотыжное земледелие. На высоких местах недалеко от городища лес вырубали, остатки выжигали и бросали зерна в еще не остывшую золу или в процарапанные мотыгой с каменным наконечником бороздки земли. Известно, что ананьинцы сеяли просо, высаживали корнеплоды. Сохи и ральника, которыми подрезали пласт земли, у ананьинцев еще не было.

К ананьинскому времени относятся и самые ранние находки зерен пшеницы на Осинском городище на Каме. (Ныне город Оса). Вероятно, в Прикамье тогда возделывали также ячмень и полбу.

Хлеб на южном Урале

Летом 1987 года экспедиция челябинских археологов сделала сенсационное открытие. На юге Челябинской области, у слияния степных рек Утяганки и Большой Караганки был найден и частично откопан деревянно-земляной город индоиранцев XVII–XVI веков до н.э., названный по речной долине, Аркаимом*.

Пространство за городом в радиусе 5-6 километров занимала сельскохозяйственная округа с полями земледельцев и местами для содержания скота. Здесь же находились три небольших поселения.

Для поля выбирались участки с хорошо увлажненной почвой.

По мнению археологов, Аркаим и ранее открытые поселения Петровка-2 в Северном Казахстане и Синташта на Южном Урале представляют собой сконцентрированные на малой площади места обитания земледельческо-скотоводческих общин индоиранцев.

Памятники погребения в Аркаиме напоминают зиккураты, культовые башни Древней Месопотамии. Не указывает ли это на то, откуда земледелие пришло на Южный Урал?

*Подробнее об этом уникальном поселении смотри в очерках С. Григорьева "Дорогами арийских колесниц" и М. Никулиной "Аркаим" (прим. сост.)

Вместо заключения

Посмотрим внимательно на карту Урала и найдем на ней современные сельскохозяйственные районы: целинные земли юга Челябинской области, поля Среднего Зауралья по долинам Исети, Пышмы, Туры, поля Среднего Предуралья и Прикамья. Это как раз те районы, где зарождалось древнее уральское земледелие. А далее будет Вятка – хлеба матка, Поволжье, Кубань, Закавказье, Передняя Азия. Вот она, дорога земледелия на Урал. А еще – река Урал, Прикаспий, Туркмения, Средняя Азия. Видимо, были и другие пути, следы которых еще надо искать.

ДРЕВНИЕ КАМНЕДОБЫТЧИКИ УРАЛА

На весь мир знаменит Урал своими природными богатствами. Протянувшийся с севера на юг более чем на две тысячи километров “Каменный пояс” таит в себе самоцветные камни, руды и разнообразные строительные материалы. Неудивительно поэтому, что карьеры, шахты, гранитные фабрики и металлургические заводы издавна дополняли уральский ландшафт.

Когда же впервые начались поиск и добыча минерального сырья? Какие минералы и породы привлекали человека в древности? Ответы на эти и многие другие вопросы ищут археологи и геологи, союз которых не случайно возник на Урале. Изучение древнего горного дела и камнеобработки, начатое не одно десятилетие назад, продолжается и в наши дни.

Среди тех, кто раскрыл значение камня в жизни человека, особая роль принадлежит А.Е.Ферсману, автору известных “Рассказов о самоцветах”. Он писал в своей книге: “В истории материальной культуры камень играет особую роль и, как прочный, трудносокрушаемый материал, он наравне с керамикой и металлом является основным источником для передачи через века творческих замыслов и технических идей человека”.

От Мугоджар до верховьев реки Туры — на полторы тысячи километров — протянулся Главный гранитный пояс, составляющий геологическую основу Урала. С гранитами связаны основные местонахождения самоцветов, в том числе и яшмы. Читаем у Ферсмана: “Яшмовые месторождения Южного Урала тянутся почти непрерывной полосой на протяжении свыше 50 км; начинаясь на севере в районе Миасса и уходя далеко на юг, в казахские степи”. Знаменитую полосатую красно-зеленую “сибирскую ленточную” яшму привозили в Петергоф из окрестностей башкирской деревни Наурузова. Месторождения серо-стальной и нежно-зеленой яшм обнаружены на берегу озера Калкан на горе Сабинда. Красными яшмами сложен восточный склон хребта Ирэндик, вершины гор Ташказгана, Кызылташа, Сарбая. Широко встречаются на Урале разновидности кварца: халцедон, сердолик, агат, кре-

мень. В гранитных жилах находят кристаллы дымчатого кварца, горного хрусталя. Богат Урал месторождениями сланцев, в том числе и кремнистых. Есть на Южном и Среднем Урале тальковый камень. Западный склон Урала составляют слоистые известняки с окремнением отдельных слоев.

Добыча и обработка камня в палеолите

Человек появился на Урале в суровое время среднего плейстоцена — 300-100 тысяч лет назад. Холодные тундро-степи населяли тогда мамонты, шерстистые носороги, бизоны, пещерные медведи, олени, сайга, копытные лемминги. Человек уже умел добывать огонь и шить одежду, от непогоды укрывался в жилище. Следы его пребывания в виде пещерных и открытых поселений известны археологам от Южного до Северного Урала. Много забот было у нашего первобытного предка — подстеречь зверя, поймать его, разделать, приготовить еду. Для этого необходимы и оружие, и орудия труда. А материалом для того и другого служили дерево, кость и камень.

На стоянке Мысовой (на озере Карабалыкты недалеко от Магнитогорска) найдены орудия, сделанные из кремня и яшмы разного качества и окраски. Скребла с прочным рабочим лезвием предназначались для обработки дерева и очистки шкур. Заготовки для них скалывали с нуклеусов*, специально подготовленных из больших кусков яшмы или кремня. Крупные рубящие орудия получали, отбивая с обеих сторон заготовки с помощью ударов куски камня — отщепы. Иногда для той же цели использовали гальку. При этом сколами обрабатывали только один ее конец, другой же, отполированный водой, оставляли округлым, чтобы при работе было удобнее зажимать его рукой. Такое орудие называется чоппинг. Наиболее типичным орудием этой поры палеолита был остроконечник. Тщательно обработанный сколами с обеих сторон, он похож на наконечник копья. Им можно было не только убить животное, но и разделать тушу, снять и обработать шкуру, острым концом проделать отверстия, чтобы затем сшить одежду.

На стоянке Богдаиовка (примерно в 150 километрах к югу от

*Нуклеус — ядрище-камень, от которого откалывали (отщепляли) сколы: короткие — отщепы, длинные — пластины.

Магнитогорска) для изготовления орудий использовали гальки, долго лежавшие на поверхности. По определению геологов это были гальки из яшм: радиоляриевой слабополосчатой, халцедоновой серой, сургучно-зеленой, красной и черной, а также из кремнистых сланцев и туфитов. Сырье, видимо, собирали поблизости от стоянки, а обрабатывали непосредственно на поселении. Об этом свидетельствует большое количество сколов, в том числе и мельчайших (в диаметре менее 1 см), по внешнему сходству с рыбьей чешуей называемых археологами чешуйками. Наибольшее число орудий на стоянке составляют скребла разного размера, кроме того еще найден один остроконечник. Заготовки для орудий также получали при расщеплении нуклеусов.

В Среднем Приуралье на берегах Камского водохранилища обнаружены стоянки, обитатели которых разрабатывали мощное месторождение кварцитопесчаников, расположенное близ деревни Баранята. Здесь найдены древние горные инструменты: отбойники из галек и заготовки для орудий — крупные отщепы и сколы. Вот из таких крупниц и складывают археологи свои представления о жизни, быте и мироосвоении древнего человека.

Перечислим же еще некоторые открытия. Почти 500 изделий нашли археологи на стоянке Ганичата 1, а Ганичата 2 оказались еще богаче: около тысячи орудий и отходов их производства из серовато-желтоватого кварцита того же месторождения у деревни Баранята. На второй стоянке использованы и другие разновидности кварцита (зеленоватого, темно-серого), а также темный кремнистый сланец. Находки к тому же оказались довольно разнообразными: много скребел на отщепе или расколотых гальках, рубилообразные орудия, чоппинги, отщепы с выемками. Найдены нуклеусы, с которых получали заготовки. В качестве изделий здесь выступают отщепы — сколы, высота которых меньше ширины, и пластины — сколы вытянутой формы, высота которых больше ширины, а боковые стороны параллельны.

В позднем, его еще называют верхним, палеолите (40–8 тысяч лет до н.э.) расширяется набор минералов и пород, используемых при изготовлении орудий, изменяется и технология обработки камня. Теперь главное внимание уделяется подготовке нуклеуса для скалывания с него удлиненных, правильно ограненных пластин. Обработка бесформенного куса камня для превращения его в нуклеус проходит несколько стадий. Сначала — получение площадки, то есть скалывание с помощью удара выпуклой части камня. Затем “обтесывание” боковых сторон, оформление нуклеуса для его закрепления. Когда общая форма была подготовлена, наступал момент скалывания пластин. Скалывание производилось с

помощью посредника и колотушки или приспособления, дающего при нажиме резкий импульс. Наиболее предпочтительной заготовкой в это время становится пластина, поскольку ее острым краям требовалась минимальная подработка и она легче вставлялась в костяную или деревянную рукоять. В позднем палеолите орудия становятся более разнообразными. Кроме скребел и рубящих орудий археологи находят ножи, скобели, проколки, резцы.

В пещерах Южного Урала Ключевой и Бурановской найдены кремневые пластины и отщепы; в Зотинском гроте и на стоянке Шикасва (в Курганской области) изделия из сургучно-зеленой яшмы.

Одним из наиболее значительных археологических памятников на Урале является стоянка имени М.В.Талицкого (названа в честь археолога, погибшего на Великой Отечественной войне), она расположена в бассейне реки Чусовой и насчитывает несколько тысяч находок, среди них нуклеусы, скребки, скобели, резцы, проколки. Сырьем для них служили кварцитовый песчаник, кремнь, кремнистый сланец, реже хрусталь и яшма.

Необычна по минералогическому составу коллекция с озера Большие Аллаки в Каслинском районе Челябинской области. Большинство вещей верхнепалеолитической поры – 164 из 208 экземпляров – сделаны из горного хрусталя (друз и гальки). Расщепление и изготовление орудий (их всего 13, все остальное заготовки и отходы) происходило на месте памятника, датированного 23 – 22 тысячами лет до н.э. Памятник расположен на холме, вершину которого венчают “каменные палатки” скальные выходы матрацевидных блоков гранита. Такое расположение, следы несохранившихся до нашего времени наскальных рисунков, костные остатки, принадлежавшие исключительно лошади, позволяют считать памятник Большие Аллаки II культовым местом. Необычность сырья, из которого здесь изготавливались орудия, также подтверждает эту гипотезу.

Ученые отмечают, что верхнепалеолитическое население использовало в основном местное сырье (примером того служат находки в Бызовой и Медвежьей пещерах в Северном Приуралье). Однако зафиксированы и находки орудий из минералов и пород, не встречающихся рядом со стоянкой. Так, например, на Гаринской стоянке (поселок Гари на севере Свердловской области) наряду с местным использовано и сырье – зелено-красная яшма – с Южного Урала.

Таким образом, мы можем говорить, что палеолитический человек занимался камнедобычей открытым способом у выходов, обнажений пород, в руслах рек и на отмелях озер. Специализированных мастерских по добыче камня пока известно мало, в основном, это памятники в районе месторождения кварцито-песчаников у деревни Баранята и часть комплекса мастерской на Голом Камне в Нижнем Тагиле (основные находки последней относятся к эпохе мезолита). Орудия горного промысла представлены массивными отбойниками из галек, чаще кварцитовых.

Технология обработки камня проходит большой путь: от примитивных форм к призматическому нуклеусу, от которого можно было получать много стандартных, острых пластин. Пользуясь стандартными заготовками, мастер научился несколькими приемами обработки (мелкая ретушь, сколы) добиваться разнообразия орудий. Человек позднего палеолита был оснащен наконечником копья, ножом, резцом, рубящим орудием, скребком, сверлом и многими другими инструментами из камня.

Был ли кризис сырья в мезолите?

Следующий крупный период в истории — мезолит, среднекаменный век. Его наступление (в VII–VI тысячелетиях до н.э.) связано с резкими климатическими изменениями, которые повлекли за собой исчезновение крупных животных, таких как мамонт, шерстистый носорог, бизон. И, следовательно, человек столкнулся с необходимостью вырабатывать новые способы охоты, требовавшие иной материальной оснастки.

В этот период изменяются приемы обработки камня. Нуклеусы становятся меньше, пластины приобретают более правильную форму, ширина ее иногда достигает лишь 3–5 миллиметров. Такие узкие пластины и их части (сечения) становятся вкладышами в сложных составных орудиях, например, гарпунах, ножах. Оправу для этих орудий делали из кости или дерева. Иногда вкладышам придавали форму треугольника, трапеции, сегмента. За форму и малый размер их называют “геометрическими микролитами”.

Человек пытается использовать новые породы камня, изучает их свойства и в зависимости от этого изменяет обработку изделий. Пластинчатая индустрия медленно, но совершенствуется. При работе с зернистыми породами камня развивается абразивная техника, основанная на приемах шлифования, пиления с добавлением песка и промывкой водой.

На мезолитических памятниках археологи находят орудия из халцедона, разнообразных яшм, кремнистых пород, в том числе кремнистых сланцев, туфопорфиринов, гранодиоритов, песчаника.

Существует мнение, что в этот период на Среднем Урале наступает кризис сырья, вызванный тем, что все подходящие минералы и породы с поверхности были выбраны. Вряд ли это верно в

отношении всего Среднего Урала, скорее может касаться Северного и частично Среднего Зауралья, небогатых кремнистыми породами.

На горе Голый Камень (Нижний Тагил) в 1954 году краеведом П.Э.Рикертом был обнаружен археологический памятник, в дальнейшем исследованный экспедицией Государственного исторического музея. На площади не менее 7 тысяч квадратных метров были собраны сотни тысяч отщепов, нуклеидных кусков и заготовки нуклеусов. Были найдены и орудия для раскалывания камня – отбойники. Археологи определили этот памятник, как мастерскую эпохи мезолита, где первобытный мастер проверял свойства материала и создавал заготовки для орудий. Сырье алевротуфы порфиринов найдено на поселениях в радиусе 10–20 километров, из него было сделано около четверти всех найденных изделий. Более поздние исследования показали, что материалом с Голого Камня пользовались три родственные группы населения, жившие на берегах Горбуновского, Черноисточинского и Полуденковского озер.

На стоянках Янгелька, Карабалыкты V, Долгий Ельник II, расположенных на Южном Урале, найдены орудия из разных видов яшм: мелкие скребки, вкладыши-пластинки, резцы... Т.е. кризиса сырья не наблюдается.

Камнедобытчик неолитической эпохи

Неолитическая пора (VI–IV тысячелетия до н.э.) характеризуется дальнейшим развитием основных отраслей хозяйства. Неолит – время изобретения глиняной посуды. Происходят значительные сдвиги и в развитии горного дела. Именно с этим временем связывают появление на европейском Западе сложных горных сооружений – шахт или открытых выработок. Истоки горного дела на Урале изучены еще недостаточно, поэтому столь ранние шахты здесь пока остаются неизвестными, или, по крайней мере, не датированы. Вместе с тем, наличие богатейших сырьевых ресурсов, с одной стороны, и обилие разнообразных орудий на неолитических стоянках, с другой, свидетельствуют о большом значении горного дела и камнеобработки в жизни обитателей Урала того времени.

Когда-то А.Е.Ферсман, сравнивая первобытных уральцев с жителями западноевропейских территорий, написал о бедности ассортимента минералов, использовавшихся нашими предками для выделки орудий: “А на Западе только в палеолите насчитывалось не менее 20 минералов и 10 горных пород, применявшихся в культуре человека; в неолите... число минералов дошло до 40”.

Наверное, он был бы горд за древнего уральского мастера, который на неолитическом поселении Исетское Правобережное I

(недалеко от Екатеринбурга) оставил орудия и другие разнообразные изделия из 60 пород и минералов. Авторы этого открытия, геолог О.К.Иванов и археолог В.Ф.Кернер, выяснили, что человек эпохи неолита знал природу камня, учитывал его свойства и строение, умел находить и добывать его.

Шлифовальные плиты, наковальни, песты, грузила, отбойники, найденные в Исетском Правобережном, сделаны из гранитоидов (встречаются гранит лейкократовый, гнейс-гранит, аплит, порфиновый гранит, биотит-амфиболовый гранит, габбро), слюдяного сланца и слюдита. Для изготовления топоров, тесел, долот использованы обеленные вулканыты и окремненные туфы. Основную часть орудий делали из кремнистых пород, кремня, яшмоидов, халцедона, кремнистых сланцев. Здесь также представлены изделия и заготовки из амфиболитов и амфиболовых сланцев, кварцитового песчаника, кварца, кварцита, талькового сланца, горного хрусталя и других пород и минералов.

Специалисты определили, что первобытные мастера использовали не только местные, но и удаленные источники сырья. Хлоритовые, тальковые, тальк-хлоритовые породы, крупнопластинчатый тальк и туфы находились в 10–12 километрах от поселения; халцедоны и опалы в 10–30 километрах, кварциты в 35–40; кремнь из известняков в 45; в 75 километрах были фтаниты, углесто-кремнистые и кремнистые сланцы, а яшмы палевого, серо-зеленого, сургучного цветов и калканоподобные в 280 километрах. Иногда сырье приходилось добывать за несколько десятков, а то и сотен километров от места проживания племени.

Известный археолог Л.Я.Крижевская, ссылаясь на обширную этнографическую литературу, так писала о возможностях обмена сырьем или далеких походах за ним: "Население, лишенное сырья, отправлялось за сотни километров в поисках и для приобретения его. Таким образом устанавливались разнообразные (мирные и военные) контакты и связи на почве обмена, втягивающие во взаимоотношения друг с другом территориально отдаленные и чаще чуждые друг другу племена".

Во всем мире возле горных разработок обнаруживаются и мастерские по первичной обработке сырья. Для неолита характерно, что памятники, связанные с добычей и обработкой, располагаются у выходов сырья. Среди них выделяются мастерские-стоянки и собственно мастерские. Мастерские, в отличие от обычных стоянок, не имеют жилых сооружений, а значит, пребывание в них человека было кратковременным, сезонным. В таких мастерских представлены производственный и бытовой комплексы изделий из камня. Производственный включает в себя отбойники, пилы по

камню, заготовки орудий и отходы производства. В хозяйственно-бытовой комплекс, который преобладает в обычных поселениях, входят орудия, связанные с добыванием и приготовлением пищи, обработкой шкур, дерева, кости, пошивом одежды.

Памятники Усть-Юрюзанская, Учалинское I, Карагайлы I представляют из себя мастерские по обработке камня.

Усть-Юрюзанская мастерская расположена на левом берегу реки Уфы, в километре выше устья реки Юрюзани, рядом с выходами известняково-кремнистых сланцев. Добыча камня производилась открытым способом с использованием отбойников – галек разнообразных форм и размеров. Звездчатые выбоины на них – следы сильных ударов. В основном здесь были найдены отходы производства (90,4%) и заготовки орудий (8%).

Карагайлы I расположено на северном берегу одноименного озера, недалеко от поселка Учалинского (Белорецкий район в Башкирии). На площади около одного километра найдено большое количество отщепов сланца, шлифовальная плита и заготовки топоров в разной степени обработки.

Поселение Учалинское I находится на южном берегу озера Большое Учалинское (Южный Урал) и также содержит инвентарь, связанный с изготовлением сланцевых орудий, в основном топоров.

На долговременных неолитических поселениях Урала известно большое количество "домашних" мастерских, где мастера занимались изготовлением орудий из заготовок или подправкой, ремонтом изношенных орудий. Об этом говорит значительное скопление в таких местах самих орудий и отходов от них, в том числе и чешуек. Часто их называют "точками". Обычно они располагаются на гранитных блоках-наковальнях, которые также могли быть шлифовальными плитами. Можно проследить специализацию таких мастерских, то есть в каждой из них создавались орудия из какой-то одной или двух пород камня.

В эпоху неолита происходит дальнейшее развитие технологии изготовления орудий. Зная свойства камня, неолитический камнедобытчик выбирал наиболее рациональные приемы его обработки. Пластина, отщепленная от нуклеуса, становится крупнее, чем в мезолите. Формы орудий разнообразны, их края подвергаются более мелкой подработке. Пластины отщепляли, резко нажимая или ударяя по посреднику. Наиболее удобным материалом были кремень, яшма, халцедон. Иногда даже внешний вид камня подсказывал мастеру направление раскалывания, так, например, полосчатую сургучно-зеленую яшму нужно было расщеплять вдоль полос. Легко расслаивались и ломались от легкого удара хрупкие глинистые или кремнистые сланцы. На поселениях обнаружено обилие орудий из этих материалов, что объясняется легкостью его обработки и быстрой изнашиваемостью рабочего лезвия.

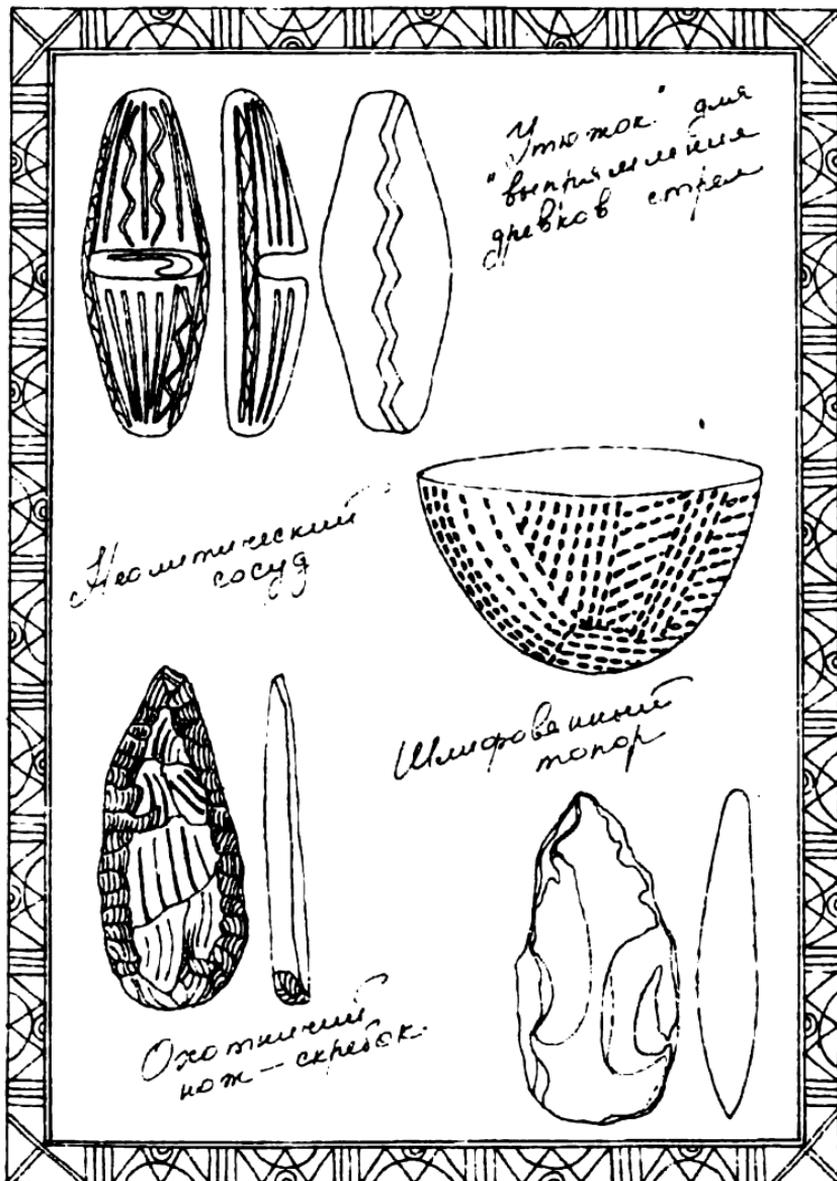
В неолитическое время человек широко освоил пиление, шлифование, сверление камня. Появилась возможность обрабатывать породы, плохо поддающиеся удару: туф, змеевик, некоторые виды сланца. Это было важно для массового распространения деревообрабатывающих, прежде всего рубящих орудий — топоров, долот, тесел, что расширило возможности в сооружении жилищ, засек, лодок, ловушек, лыж, саней. Куски туфа со следами распиловки, выпиленные или грубо оббитые и то полностью, то частично отшлифованные часто находят на поселениях или в мастерских (например, на стоянке Карагайлы I).

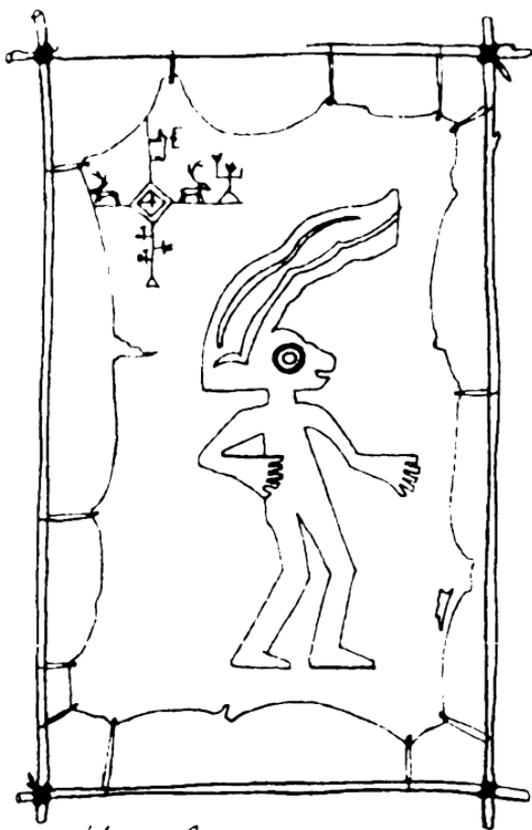
Для такого способа обработки камня, получившего название абразивного, применяли пилы из песчаника, кварцита, гранулированного кварца и шлифовальные плиты, чаще из гранитоидов. В горной части Урала древние жители часто использовали для шлифования скалы, крупные монолиты или небольшие блоки из гранита, поверхность которых сохранила следы этой деятельности в виде углублений овальной, округлой формы с заполированной поверхностью.

В это время стали применять и такую технику обработки камня, как пикетаж — придание формы с помощью выбивания мелких частиц. Наиболее древний технологический прием — оббивка — сохраняется не только для получения грубой заготовки рубящих орудий, но и при изготовлении рыболовных грузил из кварца, амфиболита или других пород камня. Для удобства их крепления к сетям нужны были выемки по краям диска или гальки, их получали с помощью отбойника. В неолите более широко начинают использовать тальк и тальковый сланец, из которых вырезали (выпиливали) “пряслица” — круглые грузики с отверстием — и “утюжки” — изделия ромбической или овально-выгнутой, реже подпрямоугольной формы, назначение которых не совсем ясно. Все они имеют поперечную выемку, на поверхности ее под микроскопом можно увидеть не только грубые штрихи от пропиливания, но и легкие следы заточки. Ученые из лаборатории первобытной техники в Санкт-Петербурге считают “утюжки” выпрямителями древков стрел. В то же время выдержанность формы и богатая орнаментация свидетельствуют о том, что эти предметы могли иметь ритуальное применение. Не исключено и сочетание названных функций.

На неолитических поселениях Урала найдены не только орудия из камня, но и произведения первобытного искусства. В посе-

Каменные изделия
эпохи неолита — энеолита

Человек - лось

лении Евстюниха сохранилась небольшая скульптура — голова лоса из талька.

В это же время человек освоил свойства такого минерального сырья, как глина, что повлекло за собой величайшее открытие — изобретение керамики. Это был непростой процесс. Для получения хорошего керамического теста глину предварительно обрабатывали — замачивали, отстаивали, потом добавляли в нее примеси: песок, слюду, дробленые камешки и мелкие гальки. В Приуралье, на Камских памятниках, была широко распространена по-

суда с примесью раковины, а зауральская посуда — гладкая, жирная, огнеупорная от большого количества талька. Месторождений глины в окрестностях поселений, видимо, было достаточно. Сейчас представители экспериментальной археологии не только восстанавливают технологический цикл изготовления и использования каменных орудий, но и раскрывают источники глины, способы ее обработки, состав примесей, способ формовки сосудов, характер обжига.

Меднокаменный век: камнедобыча или рудное дело?

Третье тысячелетие до н.э. называют энеолитом, халколитом меднокаменным веком. Многотысячелетнее господство каменных орудий заканчивается, но эра металла еще не наступила, лишь из-

редка на поселениях этого периода археологам попадаются медные вещи.

На Урале, особенно Южном, это время последнего взлета каменной индустрии. Мастера используют весь набор сырья, известного в предыдущую эпоху, его добывают вблизи поселений и все чаще обменивают в отдаленных районах, совершая для этого длительные походы. К примеру, южноуральская сургучно-зеленая яшма встречается в поселениях Притоболья.

Индустрия во многом определяется количеством и качеством сырья. Яшма, кремнистые породы (чаще кремень из известняков), халцедон обрабатывались техникой отжима. Пластинка оставалась преобладающей заготовкой. Некоторые исследователи считают, что в энеолите пластину от нуклеуса отщепляли с помощью усиленного отжима, применяя систему рычагов, увеличивающих силу импульса. Именно это и позволило получать более массивные, чем в неолите, заготовки — до 3–4 сантиметров шириной. Окончательная отделка производилась сплошной ретушью тонкими сколами, покрывавшими всю поверхность изделия. Такими приемами пользовались при изготовлении ножей, скребков, наконечников копий и стрел. Изящная ретушь, которую применяли при обработке наконечников, получила название “струйчатой”, поскольку она напоминала струящиеся потоки ручейков. Иногда ретушированные боковые края наконечников приобретали зубчатый край, за что такой прием называли “пильчатой” ретушью. Ее наносили, скорее всего, медным ретушером.

Там, где преобладали туфы и сланцы, заготовки крупных рубящих орудий представлены отщепами, плитчатыми отщепами и крупными кусками породы. Здесь чаще применялась абразивная техника (в том числе и сверление, пикстаж), с которой связано более широкое вовлечение в обработку гранитоидов и других прочных зернистых пород камня. На поселениях этого времени встречается много домашних мастерских.

Медных орудий найдено пока немного, например, небольшой медный ножичек, обнаруженный в Ильменском заповеднике на озере М.Миассово при слиянии его с озером Янышка. Всего же на Южном Урале известно двадцать медных находок исследуемого периода. В основном это медь с естественными примесями других элементов, а не искусственный сплав. По мнению ведущего российского специалиста по древнему рудному делу и металлургии Е.Н.Черных, наиболее ранними были Каргалинские рудники вблизи Оренбурга. Возможно, они эксплуатировались с конца III тысячелетия до н.э.

В то время не требовалось сооружать шахты или штольни, поскольку окисленные руды в большом количестве залегают почти на поверхности. Добычу производили открытым способом, возможно с использованием огня и воды, как это было у индейцев Северной Америки. У мест выхода меди разводили костер, нагревая поверхность, а затем резко ее остужали и с помощью молотов извлекали куски меди, которые потом подвергали холодной ковке.

Очевидно, что медная руда была открыта древним человеком при добыче каменного сырья. Неслучайно индейцы называли медь “плавленным красным веществом из камня”. На Урале, где горное дело выделилось в специальное занятие, важную отрасль хозяйства еще в неолите, именно поиски камня, камнедобыча привели к разработке руд. Энеолит, эпоха ранней бронзы — начало перехода к рудному делу. Доказательство тому — наличие на обширной территории молотов для дробления руды, возможно использовавшихся и для ее извлечения.

Добыча руд в эпоху бронзы и раннего железного века

В Приуралье зафиксирована гигантская зона медистых песчанников, южная окраина которой представляет собой рудное поле каргалинских месторождений. Многие годы изучением древних месторождений и рудников занимается Е.Н.Черных, обследовавший Каргалинские рудники, Таш-Казган, Бакр-Узяк и другие.

Каргалинские рудники, расположенные в 50–100 километрах от Оренбурга, представляют собой огромную площадь в форме линзы (50x10 километров), вытянутой с северо-запада на юго-восток. Устья шахт и штолен, открытые карьеры, отвалы пустой породы свидетельствуют о том, что в разное время эксплуатировались все залежи меди. В этих же местах встречаются и ценные медные руды — малахит и азурит.

Особенно активно Каргалинские рудники эксплуатировались в III–II тысячелетиях до н.э. На поселении Горный, расположенном рядом с шахтами, найдено много орудий горного дела, молоты, горные печи, медесодержащие руды. Второй период интенсивной разработки Каргалинских рудников относится к XVIII–XIX векам нашей эры.

Холм Таш-Казган (по-башкирски — “каменоломня”) расположен в верховьях реки Уй. Его разрабатывали не позднее середины

II тысячелетия до н.э., а возможно, и раньше. Ко II–I тысячелетиям до н.э. относятся работы и на Никольском руднике, а также знаменитом Гумешевском (вблизи города Полевского), известном всем по сказам П.П.Бажова. В описаниях путешественников XVIII века П.С.Палласа и И.И.Лепехина упоминаются чудские копи, рвы и копани, сосновые лучины, горные инструменты (кайла, лопаты). Владелец рудника Турчанинов якобы хранил у себя рукавицу и изодранную сумку из лосиной шкуры. Руду с Гумешек привозили на Думную гору, где располагалось крупное медеплавильное производство племен, которым ученые присвоили название “иткульских”. Это название связано с еще одним раскопанным памятником древней металлургии, он находился на севере Челябинской области у озера Иткуль. Иткульцы жили на Среднем Урале в I тысячелетии до н.э. Их поселения открыла известный уральский археолог Е.М.Берс, а металлургию иткульцев изучает Г.В.Бельтикова. Она называет культуру иткульцев металлоносной и говорит о широком распространении созданных ими металлических изделий. Иткульцы использовали приемы обогащения, о чем можно судить по сильно сработанным пестам для дробления руды.

Итак, древние рудознаты появились на Урале в III тысячелетии до н.э. Они добывали малахит и азурит. Знание свойств пород и минералов в неолитическое время подготовили открытие руд. Разработка рудных месторождений, особенно малахита, продолжалась до начала XX века, а в незначительных количествах в некоторых местах продолжается и поныне. В местах эксплуатации месторождений археологам удалось обнаружить лишь незначительное количество орудий горного промысла, хотя на поселениях более позднего времени находится очень много пестов и молотов, аналогичных орудиям альпийских рудокопов. Вполне возможно, что в ту раннюю эпоху использовались несохранившиеся кирки и кайла из рога оленя и лося, подобные тем, что применяли на неолитических выработках Белоруссии и Донбасса. Так в начале века на Аятском озере были найдены кирка из рога лося длиной 20,5 сантиметров и ударное орудие из рога лося 12 сантиметров длиной.

Гранит и человек

Как известно, основу Уральских гор составляет гранит.

Процессы выветривания этой породы создали на Урале причудливые элементы ландшафта в виде останцовых скал — “ка-

менных палаток". Возвышающиеся над ровной, часто заболоченной поверхностью, они внушали человеку страх, почтение и, может быть, вызывали восхищение. Возможно, древнему человеку казалось, что кто-то мрачный, молчаливый внимательно следит за ним и нужно обязательно показать ему свое уважение. Уже с эпохи палеолита такие скалы (Большие Аллаки) являлись местом совершения обрядов, принесения жертв. Культурным памятником более поздней эпохи, скорее всего, было Чертово городище. На поверхности "каменных палаток" встречаются рисунки, выполненные художниками далекой поры.

С другой стороны, гранитные скалы создавали свой особый микроклимат, защищая человека от сильного ветра. Наверное, поэтому и селился он часто у подножия скал, включая камень в интерьер жилища. На Исетском Правобережном I выходы гранита использовались для укрепления стен и в качестве наковален. При сооружении жилища на озере Большое Миассово в Ильменском заповеднике грот Чартоныш был дооборудован козырьком и боковыми стенами из гранита.

Оббивка, выравнивание гранитных стен замечены во многих горноуральских поселениях. Например, в жилище эпохи бронзы на Липовой Курье (Ильменский заповедник) одна стена образована крупными гранитными глыбами, края которых обтесаны.

Гранит тверд, но по естественным трещинам может раскалываться, особенно под воздействием замерзающей воды. Трудно поверить, что наш наблюдательный предок не использовал такую возможность. На археологическом памятнике Палатки I обнаружена каменоломня эпохи бронзы со следами разметки для снятия блоков гранита. На гранитных поверхностях зафиксированы цепочки-пунктиры углублений в 2-4 сантиметра, нанесенные каменным или металлическим инструментом типа долота. Иногда орудие было поставлено под углом и тогда дно выемки оказывалось неровным. Следы то мелкие, слегка намеченные, то глубокие, четко различимые. В среднем блоки гранита небольшие — 30x40 сантиметров. Такие блоки найдены в жилищах соседнего поселения Палатки II, где они применялись как шлифовальные плиты. Археологи до сих пор сомневаются в назначении этой разметки, да и в том, что она была сделана намеренно. Можно лишь сказать, что на соседней гряде гранитного массива сохранилась каменоломня XVIII века, служившая источником гранита для строи-

щегося Верх-Исетского завода Екатеринбурга, где видны аналогичные пунктирные следы, но с более четко очерченными границами, оставленными металлическим долотом.

Трудно перечислить где и как древний человек применял гранит, можно лишь сказать, что с этим материалом прямо или опосредованно была связана вся жизнь наших предков-уральцев. В эпоху бронзы и железа человек использовал гранит как строительный материал не только для жилищ, но и для погребальных сооружений. Плитками из него обкладывали могилу, покрывали ими насыпь, ставили ограду вокруг кургана. Известны и жертвенные плиты с изображением бараньих голов, различные скульптурные изображения. В хозяйстве часто применялись зернотерки из гранита. Но особенно многообразно использование гранита в производственных целях. Это наковальни для камнесобработки, шлифовальные плиты, плиты для заточки инструментов, в том числе и металлических, крупные молоты и песты, терочники. Отмечена и подработка гранитных монолитов под основание металлических горнов.

Эта небольшая экскурсия в древность Урала не могла познакомить вас со всеми интересными фактами далекого прошлого нашего края. Она наметила дорожки, по которым можно пойти, чтобы раскрыть увлекательные события, связанные с изучением богатейших месторождений яшмы, малахита, халцедона, горного хрусталя, уже давно составивших славу "Каменного пояса". Интерес к камню нашего предка, его умение найти нужный минерал, обработать его с удивительным мастерством отражаются в его творениях — многочисленных красочных, ювелирно оформленных орудиях труда.

ДОРОГАМИ АРИЙСКИХ КОЛЕСНИЦ

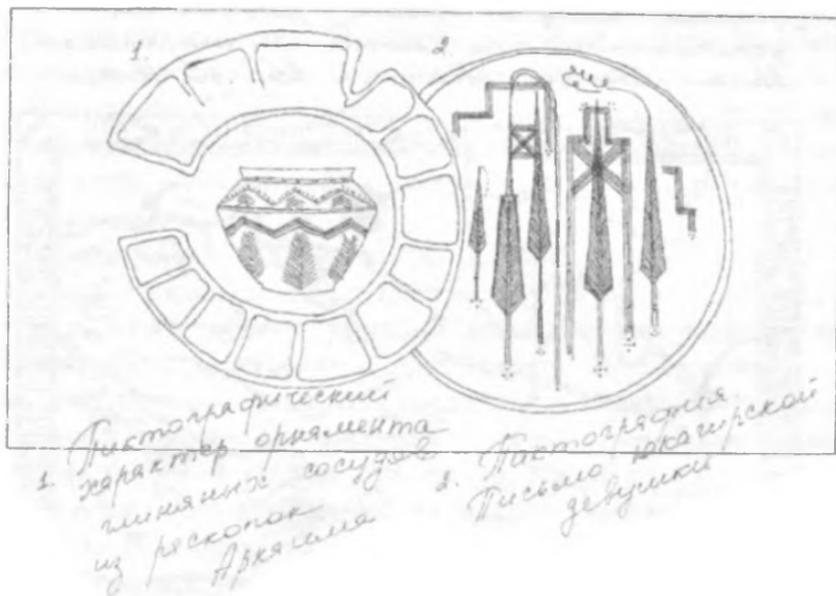

Использование человеком металла имеет давнюю историю. Уже с VIII тысячелетия до н.э. на Ближнем Востоке появляются отдельные медные изделия. Правда, первоначально это были изделия из самородной меди, которой путемковки придавали необходимую форму. Фактически, к меди относились, как к камню, требовавшему особой техники обработки. Лишь впоследствии люди осваивают выплавку меди из руды. Это не могло не привести к существенным изменениям в человеческом сознании. Впервые человек научился искусственным путем превращать один материал в другой.

Процесс этот был сложным и включал в себя множество операций: заготовку дров, выжиг древесного угля, сооружение металлургических печей, добычу руды и подготовку ее к плавке, изготовление воздуходувных мехов, сопел, тиглей и литейных форм, плавку руды, последующую переплавку меди и разливку ее по формам, послелитейную обработку изделий. Поэтому не удивительно, что металлургические технологии, как правило, не зарождались вновь на каждом новом месте, а постепенно распространялись по территории Евразийского континента из старых металлургических центров.

В Зауралье развитое металлургическое производство, знаменующее начало новой эпохи, возникает на рубеже XVIII-XVII веков до н.э. Однако происходившие здесь изменения были еще более разительными, чем на иных территориях. Вместе с металлургией появляются производящие формы хозяйства, в первую очередь, высокопродуктивное скотоводство. Эти изменения не были вызваны саморазвитием местных обществ, что в истории вообще происходит не так часто. Все эти новшества были привнесены на Урал проникшим сюда арийским населением, вытеснившим живших здесь финно-угров в таежную зону.

Кто же такие арии и откуда они появились? "Арии" — это древнее самоназвание индоиранских племен. В настоящее время к этим народам относятся, например, таджики, осетины, иранцы,

белуджи, курды, народы Индии. На близких языках разговаривали скифы и сарматы (населявшие степи Евразии в раннем железном веке), предками которых и было степное население эпохи бронзы. Вопрос о прародине ариев до сих пор остается дискуссионным. Ее помещали в Индии, в Средней Азии, в степях Восточной Европы на территории современной Украины и Поволжья. Последняя точка зрения возобладала и не оспаривалась до недавнего времени, пока археологические находки не заставили обратить взгляд на иные территории.

Речь идет об открытии в Челябинской области древних городищ и могильников типа Синташты и Аркаима. Они коренным образом изменили представления об эпохе бронзы не только Урала, но и всей Восточной Европы. Ранее полагалось, что племена этой зоны обитали в простых полуземлянках сравнительно небольшими коллективами и занимались пастушеством. И вот археологи обнаруживают яркие, необычные памятники, которые некоторые специалисты называют даже "протогородами". Это довольно грандиозные для того времени сооружения. Они были обнесены кольцом оборонительной стены и рвом диаметром около 130 м. К стене примыкал сплошной ряд жилищ с общими продольными стенами смежных помещений. Внутри этого кольца жи-

Стрелна городоџ. Схема расположении
укрепленных поселений и некрополей
эпохи бронзы XVIII — XVI вв. до н.э.

1 — Синташта, 2 — Аркалы, 3 — Сарни-Сакин,
4 — Яландское, 5 — Ушый, 6 — Берсуат,
7 — Кизильское, 8 — Журумбай, 9 — Ольгин-
ское, 10 — Кузск, 11 — Родники, 12 — Степ-
ное, 13 — Черноречи III, 14 — Жетте,
15 — Андреевское, 16 — Синташта II, 17 — Чекотай.

лиц шло новое кольцо укреплений, за которым следовал очередной ряд жилых построек. В общей сложности в таком поселении на сравнительно небольшой площади располагалось от 70 до 80 крупных домов. Можно сказать, что все поселение находилось под одной крышей. Неперекрытыми оставались незначительные участки улиц, оборонительные конструкции и площадь для народных собраний в центре.

Жилища имели прямоугольную в плане форму. Площадь их колебалась в пределах 100 – 180 кв. м. Обычно она делилась на жилую и хозяйственную части. В хозяйственной располагались колодец и печь, пристроенные друг к другу. Перекрытые небольшими куполами из глины, они соединялись каналом, через который воздух из колодца поступал в печь. Тяга обеспечивалась, благодаря большой разнице температур. Кроме этой функции колодец служил для водоснабжения и хранения скоропортящихся продуктов. Подобная многофункциональность сооружений была вызвана большой плотностью застройки и ограниченностью свободных пространств.

В печах готовили пищу, обжигали керамику, плавил руду и переплавляли металл. Дым удалялся через дымоход, имевший две части: горизонтальную, где дым остывал, одновременно обогревая помещение, и вертикальную, по которой он уходил за пределы жилища.

Однако одной печи было недостаточно, чтобы обогреть такие жилища зимой. Поэтому использовался принцип “термоса”. Поскольку внешняя торцевая стена жилища примыкала к оборонительной, а продольные к другим жилищам, холод мог проникать только со стороны торца, обращенного к центру городища, где и находился вход. Ширина входного коридора была около метра. По обе стороны от него располагались небольшие помещения, в которых стояли печи. Они создавали в коридоре пробку горячего воздуха, мешавшую проникать холоду с улицы.

Очень оригинально решалась проблема удаления дождевой воды, которая могла подмыть и жилища, и оборонительные стены, если бы застаивалась на территории поселка. Она поступала в оборонительные рвы. Во рвах же, на определенных расстояниях, располагались колодцы, по которым вода уходила в грунтовые воды.

Подобный рационализм и продуманность каждой детали поражают. Однако, как это бывало всегда в древних обществах, рационализм сочетался с мистическими и иррациональными пред-

ставлениями. При возведении жилища произносились специальные заклинания, такие, например, как мы находим в “Атхарваведе”*:

Вот здесь я закладываю прочное жилище.
Да стоит оно в мире, кропя жиром!
Да войдем мы в тебя, о жилище,
Со здоровыми мужами, с прекрасными мужами, с невредимыми мужами!
Вот здесь стой прочно, о жилище,
Богатое конями, богатое коровами, богатое радостями...

Атхарваведа (III, 12).

Ничего подобного в Зауралье раньше не было. Однако столь развитая архитектура и строительное дело не могли возникнуть неожиданно на пустом месте. Они должны были иметь под собой очень давнюю, скорее всего, многовековую традицию. Поиски этой традиции на сопредельных территориях к успеху не привели. Аналогии подобным городищам и вещевому комплексу были обнаружены очень далеко – в Передней Азии, на территории Сиро-Палестины. Именно здесь, в районе Большой излучины Евфрата и находилась прародина ариев. До сих пор в этих местах живут их потомки – курды. Следует заметить, что местом формирования всех индоевропейских народов была Передняя Азия. Но уже с эпох неолита и энеолита начинаются их миграции на территорию Европы. Арийское (индоиранское) население откалывается от остального индоевропейского массива сравнительно поздно. Оно уходит из Восточной Анатолии на юг около середины III тысячелетия до н.э., формируя тем самым свою особую народность. Ввиду отсутствия у индоевропейцев в этот период письменности, сведения о тех событиях очень скудны. В более поздних индийских гимнах “Ригведы” и в иранских текстах “Авесты” нашли отражение легенды о прародителе Йиме (или Яме), который из-за наступившего похолодания увел ариев на юг:

Яму-царя почти жертвой.
Яма первым нашел наш путь.
Это пастбище назад не отобрать,
Где некогда прошли наши отцы,
Там живые найдут свой путь.

Ригведа (Ч, 14,1).

**Атхарваведа* – собрание заговоров и заклинаний древней Индии. Окончательно составлена в IX–VII вв. до н. э. Однако многие части восходят в X веку и ранее. Поэтому она является важным источником по истории, культуре и религии индо-иранских племен.

Далее сведения об ариях начинают появляться в источниках древнего Двуречья. В аккадских* эпических песнях времен царей Саргона Древнего и Нарам-Сина фигурирует “воинство Манда”. В этом названии легко угадывается индоиранский термин “мандала”, обозначающий, наряду с космогоническими образами, также понятия “страна” и “народ”.

Одной из причин, позволившей ариям закрепиться в окружении могущественных ближневосточных государств, а впоследствии совершить стремительный бросок на Урал, было обладание самым мощным по тем временам оружием — боевыми колесницами. Раскопки арийских погребений в Зауралье выявили серию подобных колесниц. Кроме колесниц погребения сопровождались жертвенными животными (это были лошади, быки и коровы, овцы, собаки) и богатым набором утвари, инструментов и оружия, что позволяет нам судить о наборе вооружения воинов-колесничих. В колесницу впрягалось две лошади, в самой же колеснице находились два воина, вооруженные крупными луками, боевыми топорами, копьями и булавами. К защитному вооружению относились панцири из костяных пластин и, вероятно, щиты. Арии обожествляли колесницы. Не случайно арийские боги также разъезжали на колесницах. Колесницы давали ощущение власти и неограниченных возможностей, что нашло отражение в арийских гимнах:

Да завоеует стоящий на тебе, что надо завоевать!

Атхарваведа (VI, 125).

Столь мощное вооружение позволяло ариям проводить на Ближнем Востоке очень активную политику. Уже в начале II тысячелетия до н.э., пользуясь ослаблением Египта, арийские и пастушеские семитские племена начинают проникать на его территорию, оседая на богатых землях нильской дельты. С течением времени им удалось поставить под свой контроль всю страну. В египетской истории этот период называется “гиксосским владычеством”. Состав гиксосов был, по-видимому, достаточно пестрым. Но участие в этом вторжении ариев маркируется присутствием в египетском языке слов, связанных с колесницами, которые восходят, как к семитскому, так и индоиранскому языкам. Весьма интересно также обнаружение на границах Египта керамики, аналогичной той, которую мы находим на Урале.

* *Аккад* — город-государство в Междуречье XXIV — XXII веках до н. э.

Архив уральская Тьма?

Приблизительно в это же время или даже несколько ранее, на рубеже III–II тысячелетий до н.э. часть арийских коллективов мигрирует далеко на восток, в Среднюю Азию, овладевая Маргианой и Бактрией, которые располагались на юге современного Узбекистана и на севере Афганистана. Закрепившись здесь, они начинают в XVIII веке до н.э. постепенный захват полуострова Индостан. Первой подверглась нападению блестящая харапская цивилизация в долине Инда. Размеры ее городов – Харатпы и Мохенджо-Даро – и сейчас производят впечатление. Однако они пали, покорившись менее многочисленным, но более воинственным завоевателям. Полное подчинение Индостана продолжалось еще не одно столетие. События той эпохи также нашли отражения в “Ригведе”.

Неарийское население частично истреблялось, частично ассимилировалось и входило в индо-арийский этнос на правах низших каст. Часть их продолжала борьбу. Вместе с тем начались схватки между соперничающими арийскими родами, порой довольно кровавые, подобные тем, что описаны в “Махабхарате”^{*}:

Несбылось, приводящее в трепет поле превосходной богатырской битвы, костями и волосами устланое, залитое потоками крови. Много тысяч тел там лежало повсюду...

Махабхарата (XI, XVI, 4-7).

^{*}Махабхарата – древнеиндийский эпос, повествующий о борьбе двух арийских родов. Создан на основе устных легенд народов Северной Индии. Начало его формирования относят к середине II тысячелетия до н.э. Современный вид приобрел в середине I тысячелетия н.э.

Миграции индо-иранцев с ближневосточной прародины осуществлялись и в иных направлениях. Часть ариев проникает в Иран, формируя впоследствии такие народности, как мидяне и персы. Другие пересекают Закавказье и, перелезав Большой Кавказский хребт, устремляются через Восточную Европу на Урал. Но многие остаются на месте, воюют с хеттским царем Хаттусили I, основывают в Северной Сирии царство Миттани, которое какое-то время доминировало во всем регионе.

*Человек „парящий“
или Шаашан*

Длительное время они сохраняются и в Палестине. Даже захват ее еврейским вождем Иисусом Навином не вытеснил отсюда ариев и некоторые другие индоевропейские группы. Судя повсему, они дожили в Иудее и Израиле вплоть до времени македонского завоевания. Во-всяком случае, в греческих источниках город Бефсан фигурирует под названием Скифополь. Греки исходили при этом из языка и обычаев местных жителей. А ведь скифы были ираноязычны!

Впоследствии Ближний Восток пережил долгую бурную историю, места в которой индо-иранцам не оказалось. Сохранилась только одна группа – курды, которые проживают сейчас на территории четырех государств – в Сирии, Турции, Ираке и Иране.

Совсем иная судьба у ариев, проникших на территорию Восточной Европы и на Урал. Они селятся в южной части лесостепи, от Подонья до Казахстана. Основной массив, тем не менее, оседает в Зауралье, где формируется специфическая система военно-

скотоводческого хозяйства. Привнесенная из Передней Азии традиция жизни в плотно застроенных городищах с высокой степенью концентрации населения была эффективна для обороны, но совершенно не приспособлена к ведению пастушеского хозяйства в степной зоне из-за нехватки пастбищ. Выход был найден в виде оформления системы арийского доминирования в степи и лесостепи Восточной Европы, где проживало родственное индоевропейское население. Вероятно не случайно, что в индо-иранских языках термины “война”, “добыча” являются синонимами понятию “угон скота”. Эта система поддерживалась отдельными укрепленными поселениями по южной кромке лесостепи и военными походами. Однако до бесконечности в подобном виде она существовать не могла. По данным дендрохронологии* время ее бытования 130 лет.

Разрушающие начала стали проявляться довольно быстро. Благодаря совместным бракам, арии стали ассимилировать местное население. В процессе этой ассимиляции распространялся арийский язык, росло количество людей, считавших себя ариями. Вместе с тем, для арийских коллективов Восточной Европы местные интересы, в том числе интересы неарийского населения, становились ближе, чем интересы зауральских метрополий. Поставки скота стали иссякать, в результате чего около начала XVI века до н.э. обозначился кризис всей системы. Особенно это заметно по погребальному обряду, который становится менее пышным, уменьшается количество погребального инвентаря и жертвенных животных.

Резко меняются и архитектурные традиции. Постепенно исчезают крупные укрепленные городища. Появляются сравнительно небольшие поселки, распространяющиеся в глубь евразийских степей, на территорию современного Казахстана. Однако прежнее арийское жилище не могло стоять изолировано, поскольку теплопроводность его стен была очень высока. Поэтому формируется новый тип жилищ — полуземлянки, стена и крыша которых покрывались выбранным из котлованов грунтом.

Получают распространение и иные формы хозяйства, в частности земледелие, игравшее, впрочем, все же подсобную роль по сравнению со скотоводством.

*Дендрохронология — способ определения даты по годичным кольцам на деревьях. В археологии этому методу подвергают остатки дерева из древних погребений и жилищ.

Территория, освоенная ариями, все время растет. На западе они достигают берегов Днепра, на востоке — Енисея, на севере осваивают всю лесостепь и отдельные районы таежной зоны. На юге граница их распространения все время передвигается. В течение всей эпохи бронзы мы наблюдаем их миграции сначала в Казахстан, а затем в Среднюю Азию. На юге Средней Азии их продвижение было остановлено. Здесь уже обосновались арийские племена, проникшие сюда из Передней Азии раньше, ассимилировавшие местное земледельческое население и уже давно идущие по пути создания цивилизации. Произошло первое столкновение Ирана и Турана, длительные взаимоотношения между которыми описаны в иранском эпосе “Шах-наме”. Встретились два арийских народа. Круг замкнулся. Каспий надолго стал внутренним морем Ирана. Арийские народы заселили гигантские пространства Евразии от Ближнего Востока до Сибири и Индостана. Огромную роль в этом сыграли те арийские группы, которые населяли в XVIII-XVI веках до н.э. Урал.

М.НИКУЛИНА

АРКАИМ

Аркаим был открыт археологами летом 1987 года. И журналисты сразу же представили его как памятник обреченный (по проекту Гипроводхоза он находился в зоне затопления, на дне будущего водохранилища). Но борьба за спасение Аркаима, тем не менее, началась...

Урал насыщен археологическими памятниками не меньше, чем долина Нила (конечно, памятники здесь другие), но ни один из них не вызывал такого обостренного общего интереса...

Невысокий плоский холм в безбрежной степи выделить среди других трудно.

Но зрелище Аркаима с высоты птичьего полета потрясло воображение. Вертолет поднялся, сделал круг, мы молча припали к окнам, фотограф замер в раскрытых дверях – город возник внизу, хорошо видимый, внятный, похожий на печать, колесо, цветок – точно все равно не определишь – древний город, заставивший ученых по-новому понять историю бронзового века Южного Урала...

Прежняя точка зрения заключалась в следующем: в эпоху бронзы (период от конца III до начала I тысячелетия до н.э.) Южный Урал заселяли племена так называемой андроновской культуры (по деревне Андронове Красноярского края). Эти племена занимали огромное пространство: с запада на восток – от Урала до Алтая – и с севера на юг – от южной границы лесов до оазисов Средней Азии. То были охотники, рыболовы и пастухи, они разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, а если была возможность, занимались земледелием. Жили бедно, селились большими семьями в землянках, расположенных довольно далеко друг от друга; иногда создавали поселения, но хаотичные, стихийные, не имеющие четкого плана.

В андроновской культуре выделяются различные по времени этапы: федоровский, алакульский, петровский и другие. И хотя у каждого есть свои отличительные особенности – в форме глиняной посуды, в украшениях, орудиях труда, погребальных обрядах, – в уровне развития принципиальной разницы нет. Архаич-

ное и отсталое общество. Это мы помним и по школьным учебникам: *Великая степь, полудикие племена...*

Однако с конца 60-х годов нашего столетия в степях Южного Урала и Северного Казахстана археологи стали находить случайные, но удивительные вещи: осколки красивой глиняной посуды, изделия из камня, выполненные иногда столь безупречно, с такой свободой и изяществом, что ученые не могли определить, как и каким инструментом работал мастер.

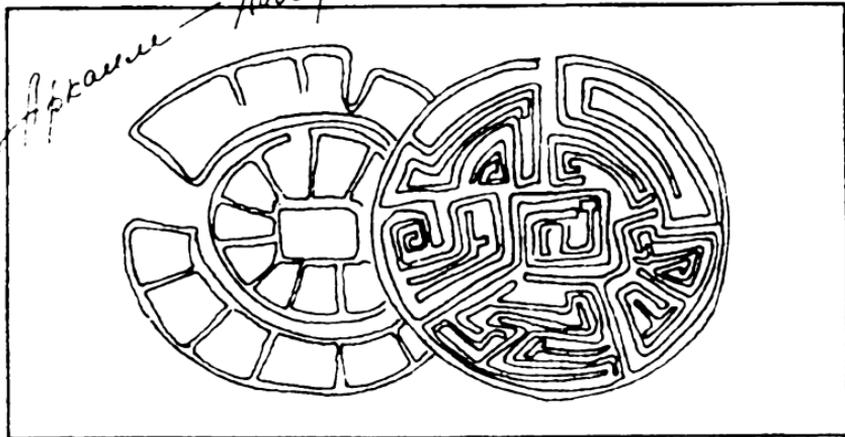
В 1968–69 годах на реке Ишим под Петропавловском (Петровка II) обнаружили рвы и остатки оборонительных валов, могильники, слишком сложные, слишком богатые для андроновской культуры. Более того, по времени они явно предшествовали ей.

Потом были обнаружены новые поселения – на Ишиме, Тоболе, в Кустанайской и Курганской областях. И снова глиняные и каменные вещи, круглые плоские обожженные глиняные лепешки с непонятными знаками, похожими на зачатки письменности.

Сенсацией стала Синташта, поселение и курганные могильники, открытые экспедицией Уральского и Челябинского университетов в 1972–76 и 1983–85 годах под руководством профессоров В.Ф.Генинга и Г.Б.Здановича. Остатки оборонительных сооружений – внешнее прямоугольное и внутренние круговые – состояли из рвов и глинобитных стен, за которыми размещались основательные жилые строения с колодцами и очагами. Фортификационные сооружения хитроумны и довольно сложны: для содержания рвов использовались старицы реки и балки, в поселении действовали системы стока дождевых вод и водоотстойников. В погребальных камерах – сотни глиняных сосудов, бронзовые боевые топоры, наконечники копий, ножи и кинжалы, украшения, предметы быта, орудия труда, наконец, – колеса боевых колесниц и уздечные наборы. В деревянном кузове колесницы размещались два человека: слева – возничий, он управлял лошадьми, справа – колесничий, вооруженный луком и копьем; тут же к кузову крепились колчан со стрелами, копье и дротики. Есть древние тексты, которые сохранили для нас описание колесниц: *великая сила, вихрь, "непобедимый ветер бури"...*

Сегодня материалы Синташтинского культурного комплекса – своеобразный эталон для выделения синташтинско-аркаимской культуры. Памятники этого ряда оставлены одной этнической груп-

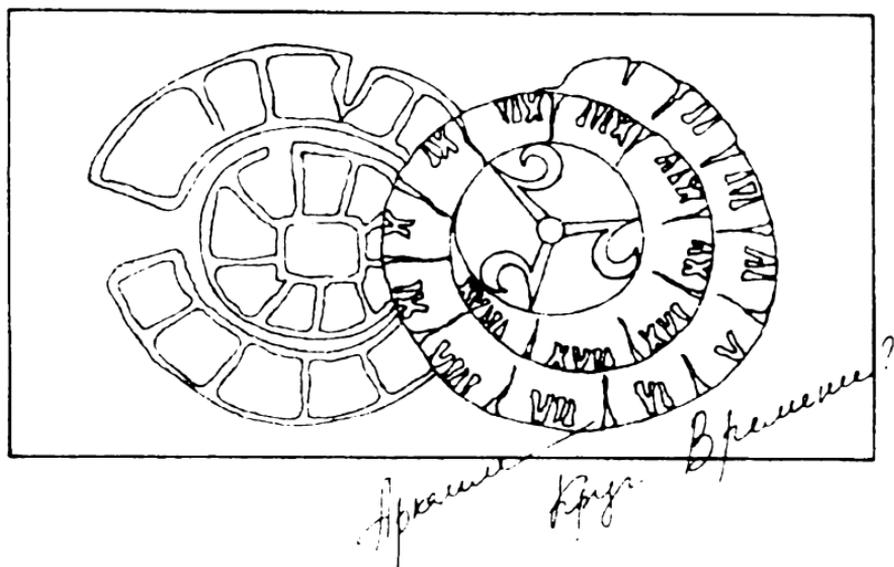
Археологическая История ?

пой людей, поэтому дают возможность проследить и понять социальные и экономические основы жизни того общества.

Но поначалу "доандроновские" находки вызвали серьезные сомнения: они были фрагментарны и основательно повреждены временем, природой или человеком. Центральная часть поселения Синташта была сильно разрушена, а предлагаемая археологами реконструкция города с мощными округлыми стенами и жилищами, веером раскрытыми по кругу, казалась невероятной. В самом деле, разве Синташта не могла быть случайностью или построением, издавлека занесенным в дикое края представителями более высоких земледельческих цивилизаций?

Аркаим археологи опознали с первого взгляда. Задернованные, поросшие травой круглые земляные валы – внутренний и внешний – это был типичный памятник синташтинского типа. В отличие от Синташты Аркаим сохранился в идеальном состоянии. Без малого четыре тысячи лет назад его жители почему-то разом оставили город и уже опустевший, предали огню. Деревянные частоколы, обшивки и настилы сгорели, но грунтовые стены уцелели, достигая почти метровой высоты. Так что общий план поселения читается отлично: два вписанных одно в другое кольца оборонительных сооружений, два круга жилищ, примыкавших к стенам, и центральная площадь. Размер поселения – 20000 квадратных метров, диаметр внутренней стены (цитадели) – 85 метров, диаметр внешней – 143

145 метров. Толщина стен по основаниям от 3 до 5 метров, высота грунтовой части в древности была не менее 3–3,5 метров. Радиальные стены, как спицы колеса, разделяют кольцо жилищ на секторы, так что смежные жилища имеют общие стены. Всего во внешнем круге было более 40 жилищ (полностью они еще не раскопаны) и во внутреннем – 27.

Жилища были просторны (даже по нынешним меркам), с удобствами: в каждом – колодец, погреб для хранения продуктов и очаг. К жилищам примыкали небольшие дворики. Единственная улица – кольцевая, проходила по всему поселению между стеной цитадели и внешней стеной, она была покрыта деревянным настилом, под ним располагалась ливневая канализация (ров, через каждые 30 метров – ямы, доходящие до природного слоя гравия). Центральная площадь имела, вероятно, многоугольную форму, была хорошо утрамбована: дело в том, что в самой почве очень много гипса, который высыхая, становится твердым, как камень.

Входов в поселение было четыре, ориентированных по частям света. У каждого входа внешние стены размыкаются, ров поворачивает в глубину поселения, так что система рвов и стен представляет собой сложную и красивую композицию.

Без всякого сомнения, Аркаим выстроен (частично вырезан из грунта) по загодя продуманному плану и построен очень точно. Грунт срезался до определенной глубины, где нужно, оставались возвышения материковой глины. Поселение выглядит удивительно цельным, будто вырезанное из одного куска. Идея организации пространства тоже понятна. Если мысленно провести осевые линии зданий, продолжить направления стен и других сооружений, то все эти линии соберутся в одной точке – в центре главной площади цитадели.

Аркаим – не только сложное, но даже изощренное сооружение: ложные входы, лабиринты, потайные лестницы в грунтовой толще. И надежное: соблазнившись ложным входом, враг попадал под потоки стрел, летящих с трех сторон. В случае крайней опасности, если враг все же прорывался на улицу, каждый дом становился крепостью, можно было воспользоваться внутренними лестницами, выводящими на крышу, и стрелять уже оттуда.

Укрепленное поселение было центром сельскохозяйственной округи, преимущественно скотоводческой, однако и по сей день особенно сверху, хорошо видны поля, расположенные в речных поймах и орошаемые весенними водами. Археологи утверждают, что они могли бы приносить урожай и сегодня.

Аркаим часто называют уральской Троей, и это обычно воспринимается как типичное журналистское преувеличение. Хотя преувеличения по сути нет никакого. Стены гомеровской Трои не выше аркаимских, да и сама она так же невелика, прогулочным шагом ее можно обойти за 10–15 минут. Опять же своим обаянием Троя многим обязана Гомеру, а Аркаим сам открывает себя перед нами. Впрочем, не один Аркаим. За последние годы на Южном Урале обнаружены десятки подобных селений.

Теперь ясно, что в эпоху бронзы здесь существовала высокая, интересная культура, дальнейшее развитие которой прервалось по каким-то еще не ясным археологам причинам. Цивилизация не сложилась. Существует набор обязательных признаков цивилизации: письменность, город, монументальная архитектура. Монументальная архитектура была – достаточно взглянуть на реконструкцию Аркаима или синташтинского храма-святилища (девятиэтажная пирамида с основанием в 72 метра и высотой более 9 метров, украшенная сверху куполом и священным столбом – "дере-

вом жизни"). А вот письменность так и осталась в зачаточном состоянии, и город – в стадии формирования.

В мире чрезвычайно мало памятников, дающих представление о том, как шел процесс становления цивилизации. Это и понятно: ранний город или исчезает, или становится в полном смысле городом. Аркаим – эталонный протогород, и таким он теперь вошел в археологическую науку. Развитая система фортификаций; наличие общего плана поселения; четкая система коммуникаций, связь всех элементов в одно целое; рациональное использование пространства с четко выраженными характеристиками – выделяются жилые, хозяйственные, ремесленные кварталы. При раскопках обнаружены плавильные печи, литейные формы, кузнечные орудия. В могилах находят и символы власти, и инструменты металлурга или кузнеца, а иногда – просто куски руды. Все говорит о том, что Аркаим был центром металлургического производства, или – на современном языке – производителем и экспортером металла, и уже одним этим доказывает, что степи Южного Урала и Северного Казахстана в конце II тысячелетия до н.э. вовсе не были захолустьем древнего мира, но входили в культурное пространство, простирающееся от Средиземноморья до Центрального Казахстана и Малой Азии.

Многие идеи и открытия тогдашних жителей степей были впоследствии восприняты и развиты другими народами. Это можно проследить по древним текстам и археологическим памятникам. К примеру, названия конской упряжи, колесницы и ее частей восходят к древним иранским языкам – стало быгъ, к древним иранцам восходят и истоки коневодства. Известно, что в регионе евразийских степей одомашнивание лошади относится к IV–III тысячелетиям до н.э. Поселения с остатками костей уже домашней лошади обнаружены в районе Магнитогорска и в Тургайской долине. В Кокчетавской области расположен интереснейший памятник – Ботай. Раскопки показали, что там жили и охотники на диких лошадях, и коневоды. Потом – синташтинская колесница и, наконец, Аркаим, где коневодство было, можно сказать, уже развитой отраслью.

До недавнего времени изучение арийской проблемы было делом преимущественно лингвистов и историков и основывалось на анализе уникальных текстов “Ригведы”, “Махабхараты”, “Авесты” и выявлении фактов языкового родства. Значительных ар-

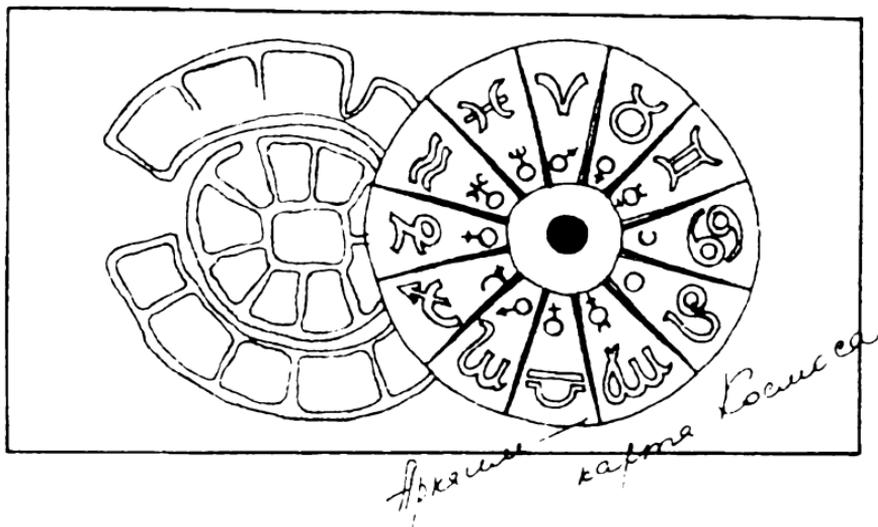
хеологических комплексов, которые бы относились к индоиранцам III–I тысячелетия до н.э., просто не было. И вот теперь они появились. Синтапта и Аркаим дают ученым возможность соприкоснуться с материальной культурой общества ариев. И кто знает, может быть, на этом пути их ждет решение арийской проблемы.

Проблема происхождения индоевропейцев – одна из любимых загадок исторической науки. До последних лет самым темным местом здесь оставались ранние этапы развития индоевропейских (арийских) народов. Предположение о том, что они сложились в Азии, было отвергнуто еще XIX веке. Индоиранцы пришли в Индию, Иран, Пакистан, Афганистан и Среднюю Азию во второй половине II тысячелетия до н.э., явившись с севера. Но откуда именно – с точностью сказать пока невозможно. Понятно, что великое переселение было длительным, что оно распадалось на многие отдельные потоки, которые проходили сквозь огромные пространства и цивилизации, что культура и социальная структура переселенцев изменялась.

Долгое время полагали, что легендарная прародина индоевропейцев находилась где-то в Юго-Восточной Европе. Не ослабевал интерес к Малой Азии. В последнее время все более привлекательной кажется гипотеза размещения общей прародины на востоке – между Волгой и Уралом и даже еще восточней – за Волгой, в степях и лесостепях, примыкающих к северным границам Средней Азии. На этой самой территории во II тысячелетии до н.э. жили племена андроновской культурной общности здесь и располагаются памятники петровско-синташтинской культуры. Так, может быть, Аркаим, покинутый жителями как раз во второй половине II тысячелетия до н.э., и есть искомое место, вернее, знак его?

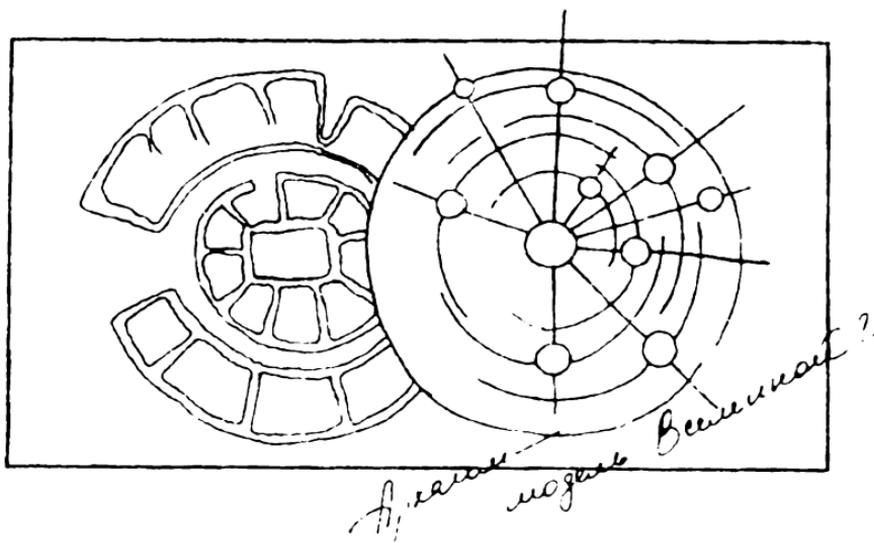
Сегодня Аркаим, слава Богу, – заповедная земля: защищен и огорожен. Профессор Геннадий Борисович Зданович, первооткрыватель и неутомимый исследователь Аркаима, мечтал о заповеднике еще тогда, когда он по проекту Гипроводхоза был "на дне": "Если бы можно было прекратить эту стройку, то Аркаим и раскапывать не надо. Сохранить бы все – и для будущих поколений, и для наших современников. Нам бы раскопать небольшой сектор восстановить жилища, а остальное закрыть стеклянным куполом..."

Мечта о стеклянном куполе и восстановленных древних жилищах жива, однако музеефикация археологических памятников, увы, – дело очень дорогое.

А люди все едут и идут к Аркаиму. С тех самых первых дней, когда никто (кроме археологов) еще не знал, что же за чудо такое откопали. Магия Аркаима существует. Притягательность Аркаима – в удивительной духовной насыщенности памятника, прежде всего самого города, его невероятной конструкции... Что такое Аркаим? Модель Вселенной? Строения мира? Круг – символ космоса и бесконечности. Квадрат – символ земли, мира, созданного человеком. Тогда Аркаим – воспроизведение небесного и земного? В плане сам город и погребальные сооружения – сочетание круга и квадрата или прямоугольника. Всюду связь между Землей и Космосом. На керамической посуде, найденной при раскопках, – знак свастики, древний символ Солнца. Снова Космос.

В самом Аркаиме каменных, керамических, бронзовых вещей найдено немного. Это и понятно: город жил около ста лет, потом был сожжен, а перед этим из него, видимо, все было вынесено. Но вещи, относящиеся к этой культуре, словно несут на себе знак Аркаима. Вот каменная статуэтка "Человек, смотрящий в небо", она удивительно похожа на истуканов острова Пасхи – те же огромные пустые глазницы, направленные вверх, только на острове фигуры громадные, а здесь маленькая. Однако ощущение такое, что и тут ты общаешься с монументальностью. Вот "Человек парящий" (он же "Жрец" или "Шаман")... И опять вспоминается Космос.

Четыре года спустя после открытия Аркаима появились первые предположения о том, что Аркаим – это древнейшая солнечно-лунная обсерватория, технический уровень которой не уступает, а скорее превышает уровень знаменитого Стоунхенджа в Англии.

Астроархеолог Константин Константинович Быструшкин, в течение двух сезонов (1990 и 1991 годов) проводивший изыскания на Аркаиме, опираясь на свою методiku, уточняет его возраст: не 3800 лет, а 4800. Четыре тысячи восемьсот лет...

Город-крепость, город-мастерская литейщиков, город – храм и обсерватория... Но откуда появились такие знания у людей, не имевших письменности? Зачем им нужна была такая обсерватория...

Похоже, Аркаим заставит нас пересмотреть не только эпоху бронзы урало-казахстанских степей, но вообще – всю древнейшую историю человечества и всерьез заняться тайнами древних цивилизаций, которые – что ни говорите – всегда притягивали и радовали нас.

САГАТСКИЕ КУРГАНЫ

Еще столетие назад степные и лесостепные ландшафты России были немислимы без многочисленных курганов. "Едва переехав через Урал и оказавшись в бассейнах Тобола и Иртыша, мы на каждом шагу встречаем на огромных степных пространствах сохранившиеся с глубокой древности громадные курганы, которые группами возвышаются вдоль высоких речных берегов." Это написал В.В.Радлов – выдающийся русский ученый (1837-1918), много времени и сил отдавший изучению сибирских древностей. Курганы останавливали взгляд и вызывали любопытство. Поэты их воспевали, любознательные и любящие свой край люди хотели их понять и сохранить. Но были и те, кто ради любопытства или наживы, разрушал или разграблял эти старые могилы. Уралу и Западной Сибири в этом отношении особенно не повезло. Грабительские раскопки курганов начались здесь еще в XVII веке. В частности, в 1669 году в одном из донесений, посланных в Москву, говорилось: "В Тобольском уезде около р.Исети и во окружности оной люди в татарских могилах или кладбищах выкапывают золотыя и серебряныя всякия вещи и посуду". Известно также, что город Курган стоит на месте основанной в 1663 году слободы Царево Городище, где когда-то был большой курган, называвшийся Царевым. Кладоискатели находили там серебряные сосуды, дорогие украшения и разные вещи. Как писал Е.В.Кузнецов-Тобольский: "Отдельные случаи кладоискательства в Сибири следует относить к первым годам XVII столетия, когда русские насельники, считавшие в первоначальный звероловный и бродячий период колонизации края главной, прибыльной статьею звероловство, с уменьшением улова пушного зверя и удалением инородцев в степи, горы и леса, приступили к хлебопашеству и скотоводству, сибирское кладоискательство дошло до размеров общего, весьма распространенного промысла. Видя на землях, отнятых у инородцев, множество курганов, бугров, могильных насыпей, целые артели так называемых бугровщиков устремили свою деятельность на разрытие их и добычу в них сокровищ".

Позднее немецкий ученый Д.Г.Мессершмидт, находившийся на русской службе с 1716 года и посетивший Сибирь в 1720-1727 го-

дах по заданию Петра I опишет это в своем дневнике. "Русские, живущие по верхнему течению Оби, называются ишимцами, они-то и отправляются на промыслы за откапыванием золота и серебра, находимого в могилах; впервые занялись этим русские, жившие на Ишиме; отсюда они продвигались все далее и далее, пока при своих поисках таких могил не дошли до Оби; поэтому всех поселяющихся здесь, на Оби, пришельцев из Тара-Нарима, Тобольска, Казани, Соликама и других местностей называют ишимцами или ишимскими. В этой Чанской слободе около 150 жителей; занимаются они хлебопашеством и торговлей мехами... Но главным образом они зарабатывают много денег раскопками в степях. С последним санным путем они отправляются за 20-30 дней езды в степи; собираются со всех окрестных деревень, в числе 200-300 и более человек, и разбиваются на отряды по местностям, где рассчитывают найти что-нибудь. Затем эти отряды расходятся в разные стороны, но лишь на столько, чтобы иметь всегда между собой сообщение и в случае прихода калмыков или казаков быть в состоянии защищаться... Найдя такие насыпи над могилами язычников, они иногда, правда, копают напрасно и находят только разные железные и медные вещи, которые плохо оплачивают их труд, но иногда им случается находить в этих могилах много золотых и серебряных вещей, фунтов по 5, 6, и 7, состоящих из принадлежностей конской сбруи, панцирных украшений, идолов и других предметов". Другой участник первой экспедиции, бывший пленный шведский офицер И.Ф.Страленберг (фон Табберт), написавший книгу об Урале, сообщал дополнительные детали бугрового промысла: "Могильные холмы... встречаются в большом количестве в Сибири и в степях, находящихся к югу от Сибири. Из них выкапывают различную утварь, урны, разные предметы, служившие для украшения тела и одежды, сабли, кинжалы, конские уборы, ножи, различные маленькие идолы и медали из золота и серебра... В могилах бедных людей находят подобные же предметы из красной и желтой меди и железа, наконечники стрел из меди и железа, стремена большие и маленькие, полированные металлические пластинки или зеркала с письменными знаками, маленькие и большие глиняные урны... Одним словом, из этих могил добывают большое количество курioзных древностей. Когда об этом Русское правительство ничего не знало, начальники городов Тары, Томска, Красноярска... Исетска и других мест от-

правляли вольные отряды... из местных жителей для разведки могил и заключали с ними... такое условие, что они должны были отдавать определенную или десятую часть найденного ими серебра, меди, камней и пр."

Бугрование, судя по всему, было доходным, хоть и опасным, промыслом до середины XVIII века. В числе первых, кто обратил внимание на научную ценность сибирских сокровищ, был член голландского посольства в Москве, географ и юрист, бургомистр Амстердама Н.К.Витзен. Будучи в России в 1664-1667 годах, он собирал сведения о ее народах и позднее издал в Амстердаме карту России и книгу "Северные и восточные татары", в которой писал: "Недалеко от Тобольска встречаются под горами особого рода весьма древние могилы, в которых, кроме костей покойников, была находима металлическая утварь из серебра, меди и железа. Салтыков из такого найденного в могилах серебра велел сделать себе саблю, на память об этом замечательном обстоятельстве".

История сибирской коллекции Петра I

Большая часть древних сокровищ канула в лету. Мы можем лишь догадываться о их судьбе и о том, какому народу они принадлежали. Однако эти догадки стали определеннее в последние годы, благодаря уникальным материалам, полученным из неразграбленных, чудом уцелевших погребений и кропотливому анализу документов, относящихся к периоду бугрования.

Во всем мире широко известно собрание высокохудожественных древних предметов, хранящееся в Эрмитаже и носящее имя Петра I. Как писал А.А.Спицин, впервые назвавший эту коллекцию Сибирской, она "составляет одно из важнейших достояний русской археологии".

В 1715 году владелец Тагильских заводов А.Н.Демидов преподнес царице по случаю рождения сына "богатые золотые бугровые сибирские вещи и сто тысяч рублей денег". В январе 1716 года сибирский губернатор М.П.Гагарин передал Петру I десять золотых вещей, после чего получил специальный наказ собирать подобные древности и впредь, и уже в декабре послал царю посылку из "пятидесяти шести мест золотых вещей" "весом не безомного полтора пуда".

Пятого июля 1717 года Гагарин отдал приказ коменданту Тюмени Воронцовскому: "По именному, его царского величества ука-

зу, который писан рукой его царского величества, древние золотые и серебряные вещи, которые находят в земле древних поклаж, всяких чинов людям велено объявлять в Тобольску и велено брать те вещи в казну великого государя и отдавать им за те вещи из казны деньги"... Кроме того, он написал: "А ныне по велению губернатору Сибири князю Матвею Петровичу Гагарину, что тобольские де татары Сейдеш да Семен повезли на Тюмень для продажи таковых найденных вещей, в тех вещах золотых весу пятнадцать фунтов. И тебе по получении сего указа велеть тех татар сыскивать. И буде они на Тюмени не явятца, то послать для сыску их в Тюменский уезд. И как их сыщут, то про те вещи их запрашивать и про то разыскивать: где они нашли те вещи и сколько, и для чего не объявили, и кому они те золотые и серебряные вещи продали на Тюмени. И тот розыск, и тех людей всех, кому они продали, таже и золотые вещи, что у кого не сыщутся, всех прислать в Тобольск, часа не промедля, за караулом и велеть объявлять в Тобольску губернатору князю Матвею Петровичу Гагарину".

В октябре 1717 года Петр I получил еще несколько золотых и серебряных вещей, которые "сысканы в земле древних поклаж".

Таким образом, в 1718 году в коллекции было не менее 250 предметов. Более 200 из них – пряжки, застежки, украшения одежды, ожерелья, гривны, серьги, принадлежности конской узда, сосуды – были собраны тобольским губернатором М.П.Гагариным в 1715-1717 годах. Учитывая то, что в документах чаще других упоминались районы Зауралья и Западной Сибири (Исеть, Тобол, Ишим, Иртыш), где бугрование появилось раньше и имело наибольший размах, мы с высокой степенью уверенности можем допустить их непосредственную связь с Сибирской коллекцией.

За всеми этими событиями в 1718 году последовали известные указы Петра I о сборе и посылке в Москву всех редкостных вещей, найденных в земле и о плате за них. Но в последующие годы коллекция пополнилась незначительно. Сначала она хранилась при царском дворе, но не позднее 1727 года была передана в Кунсткамеру, куда попали также отдельные предметы, приобретенные в ходе академических экспедиций. В 1895 году вещи поступили в Эрмитаж, но никаких документов об их происхождении и месте сбора не было. На протяжении многих лет исследователи пытаются прояснить этот вопрос. Дело в том, что по стилистиче-

ским особенностям коллекция неоднородна, кроме того, она, состоит из предметов различного возраста, охватывая время VI-IV веков до н.э. – II века н.э. Аналогии им встречаются на широкой территории от Северного Причерноморья до Забайкалья. Наряду с литыми золотыми изделиями скифского времени, в коллекции довольно много предметов, украшенных вставками из самоцветов: кораллов, сердолика, агата и бирюзы, что было характерно для так называемого полихромного стиля сарматской эпохи.

Некоторые ученые ставили под сомнение сибирское происхождение коллекции, указывая на стилистическое сходство ряда изделий из курганов Скифии. С.И.Руденко считал, что коллекция могла быть получена из степной области "примерно от р.Ишим на западе.., главным же образом, это была территория между верхними течениями Иртыша и Оби, Горный Алтай на востоке, вероятно предгорья Тарбагатай, а возможно и северного Тянь-Шаня". Анализируя античные источники, в основном, сообщения Геродота о расселении племен в Евразии в середине I тысячелетия до н.э., исследователь пришел к заключению, что золотые сибирские вещи могли принадлежать племенам аргиппеев, легендарных аримаспов и грифов или юэчжей (обитавших в районах Верхней Оби и на Алтае), частично, возможно, ииркам (жившим в Приуралье), исседонам (которых он помещает в Семиречье), и сакамтиграхуада. С.И.Руденко отметил сходство некоторых сюжетов и стилистических особенностей сибирских изделий и находок из Пазырыкских курганов на Алтае, а также некоторых предметов, происходящих из районов Южной Сибири. На территорию между Уралом и Средним Иртышом в одной небольшой статье обратил внимание Л.С.Клейн, предложивший свое толкование этнической карты Евразии I тысячелетия до н.э. Плешивые аргиппеи жили у подножия Уральских гор, исседоны – от Урала до Исети, Тобола и Ишима, где была собрана западная часть коллекции Петра I и куда, по мнению Клейна, уходят корни сарматского искусства. В верховьях Иртыша и на Алтае обитали аримаспы и стерегущие золото грифы, имеющие отношение к восточной части Сибирской коллекции.

Однако, в целом, до начала 80-х годов нашего века мало кто из исследователей относился серьезно к подобной версии. Хотя в зауральской лесостепи к тому времени было исследовано немало курганов гороховской и саргатской культур, все они были, по

большей части разграблены и находились в них, в основном, рядовые вещи. Правда, иногда в центральных глубоких но пустых, могилах, как намеки на былое богатство, попадались мелкие крошки золота, бронзы, отдельные привозные бусины, но они не меняли скромного облика культуры на фоне роскошных находок из некоторых скифских или сарматских курганов. Саргатская культура была известна лишь узкому кругу специалистов.

Саргатские древности

На исходе прошлого и в начале нынешнего столетия археологические памятники зауральской и западносибирской лесостепи стали объектами научного интереса археологов-специалистов и краеведов-любителей. В 20-30 годы, отмеченные широкой экспедиционной активностью, были начаты раскопки памятников раннего железного века, среди которых преобладали курганные могильники.

Однако настоящее открытие саргатской культуры произошло в 60-е годы, когда на Урале и в Западной Сибири стали систематически работать экспедиции Академии Наук, некоторых местных музеев и вузов. В эпоху, которая известна науке как скифо-сарматская, на Урале и в Западной Сибири обитало многочисленное население. И в настоящее время уже нет никаких сомнений, что на протяжении почти тысячелетия доминирующую роль здесь играли племена, оставившие саргатские памятники – поселения и могильники, численно превосходившие, как более ранние, так и более поздние. Поселения эти располагались по берегам больших и малых рек, озер, стариц. Иногда они состояли из нескольких жилищ, до сих пор на поверхности остались от них небольшие впадины, чаще всего число таких впадин достигает нескольких десятков. На удобных, высоких участках террас или на береговых мысах, откуда открывается вид на широкую речную пойму, можно найти укрепленные поселения – городища. Они имели одну или несколько оборонительных линий в виде рвов и валов, образующих замкнутую систему (круг или многоугольник) или просто отделяющих мыс от napольной части. Очень часто внутри укреплений и за их пределами можно зафиксировать остатки жилых и хозяйственных сооружений, занимающих обширную площадь. Наблюдения показывают, что поселения концентрировались вокруг

таких городищ, имевших большие посады. Жилища саргатских племен разнообразны по устройству, размерам и планировке. Были среди них простые прямоугольные полуземлянки площадью 20-30 квадратных метров с центральным очагом. Однако наиболее характерны постройки, состоящие из нескольких помещений жилого и хозяйственного назначения. На поселениях в большом числе находят обломки хозяйственной посуды, разбитой многими поколениями их обитателей и кости животных, чье мясо употреблялось в пищу. Саргатское население разводило, главным образом, лошадей и крупный рогатый скот, а также овец, реже коз. Охота практиковалась, но не играла ведущей роли в хозяйстве. На крупных поселениях постоянно встречаются, хоть и в небольшом количестве, кости верблюдов.

Могильники саргатского населения состоят из земляных курганов, расположенных группами или цепочками на высоких или возвышенных местах. Сейчас трудно восстановить количество курганов в могильниках, потому что многие из них распаханы. Тем не менее, нельзя не видеть разницы в размерах: некоторые курганы – их не так уж много – достигают 80-100 метров в диаметре и до 10 метров в высоту. Это "царские" или "дружинные" курганы. Другие имеют средние размеры (20 метров в диаметре). Гораздо больше маленьких, диаметр которых не превышает 4-6 метров. Раскопки ведутся, в основном, на курганах этих двух групп. Большие курганы из-за отсутствия средств остаются малоисследованными.

В большинстве своем насыпи окружены рвами: округлыми или многоугольными в плане, одинарными, двойными или даже тройными. Не все курганы одинаковы по устройству. Среди них есть, как одномогильные, так и многомогильные, содержащие от двух до пятнадцати погребений. В центре всегда находятся одно или реже два погребения, для которых копали наиболее глубокие и обширные ямы, содержащие остатки парных захоронений. Иногда над ними можно обнаружить развалы "шатров" – конических или пирамидальных сооружений, сложенных из бревен, жердей, веток и камыша.

В многомогильных курганах вокруг центрального погребения располагаются другие, как правило, индивидуальные погребения, для которых делали ямы различных размеров и устройств. Больше всего простых ям с отвесными стенками, довольно много – с

уступами, иногда встречаются могилы с нишами, ямками от вертикальных столбов или с канавками на дне. Умерших хоронили в ямах, укладывая на спину головой на север, северо-запад, реже – в других направлениях. Их сопровождал необходимый, полагавшийся по статусу, инвентарь, личные вещи, куски мяса лошади, коровы или овцы, сосуды с жидкой пищей (это мог быть бульон или похлебка). Могилу закрывали деревянным бревенчатым накатом и совершали прощальные церемонии.

По многим признакам погребальная обрядность саргатского населения была близка той, что практиковалась степными племенами скифов, саков, сарматов. Отличие можно найти в ориентировке погребенных, деталях конструкций и посуде. Находки отражают особенности эпохи внедрения и господства железа. В мужских погребениях обнаружено разнообразное оружие: остатки лука и наконечники стрел из кости, бронзы и железа, мечи и кинжалы, топоры, а в каждом втором, к тому же, принадлежности конской упряжи: удила, бляшки и различные ременные пряжки. На костях скелетов довольно хорошо видны следы профессиональных заболеваний всадников, проводящих много времени в седле. В женских погребениях чаще всего встречаются украшения. Среди них преобладают привозные бусы (саргатское население не имело собственного производства бус). Можно найти также серьги, нередко золотые, и бляшки, украшавшие одежду. Многие женщины имели зеркало и какие-то косметические принадлежности, но почти все получали в дорогу орудие прядения – веретено.

Но находок, подобных тем, что представлены в Сибирской коллекции, до недавнего времени не было. Именно поэтому исследователи весьма скептически относились к идее ее возможного урало-сибирского происхождения.

Новые находки

Восьмидесятые годы принесли много интересных открытий. В 1981-1982 годах экспедиция Тюменского университета провела раскопки десяти насыпей курганного могильника, находившегося на левом берегу реки Тобол вблизи деревень Тютрино и Бызова Упоровского района Тюменской области. Полученные материалы убедительно свидетельствовали об их принадлежности к саргатской культуре. Например, среди ювелирных изделий, найденных

в могильнике, было несколько серебряных серег, практически идентичных тем, что представлены в Петровской и Витзеновской коллекциях. Кроме них в могильнике были обнаружены золотые нашивные бляшки, большое количество привозных бус, в том числе, из полудрагоценных камней и сапфиршпинели. Таким образом вновь возник вопрос о сибирском (саргатском) происхождении части знаменитого собрания.

И это предположение получило дополнительную поддержку после раскопок богатого погребения в одном из курганов у села Сидоровка Нижнеомского района Омской области. Экспедиция Омского университета проводила летом 1986 года обычные работы на месте будущей оросительной системы. Памятник не отличался от типичных могильников саргатской культуры с множеством ограбленных погребений, разве что археологам попадалось чуть больше обломков среднеазиатской посуды, воинских доспехов, золотых бляшек и тому подобных вещей. Наиболее интересным оказался курган 1, имевший насыпь диаметром 42-48 метров. В периферийной могиле было обнаружено нетронутое богатое погребение – редкая удача! Оно содержало захоронение воина в полном снаряжении и в сопровождении роскошных даров, значительная часть которых находила аналогии в Сибирской коллекции. У исследователей уже не оставалось сомнений в том, что саргатские древности принадлежат культуре, созданной обществом, находившимся вовсе не на задворках Евразийского кочевого мира, и на исходе старой и начале новой эры участвовавшим во многих событиях.

Факторы успеха

Было бы слишком самонадеянно считать, что мы в силах полностью восстановить историческую действительность, но вооружившись фактами и гипотезами, можно смоделировать основное направление развития общества, представленного археологическими памятниками. В данном случае нас интересует вопрос: кому принадлежали многочисленные сокровища, разграбленные позже потомками. Как показывает стилистический и технологический анализ, описанные выше предметы роскоши были привозными, они изготавливались далеко за пределами Западной Сибири: в Китае, Иране, Восточном Средиземноморье, Индии, Средней Азии. В 70-х годах в Северном Афганистане (регион Бактрии) ис-

следовались царские захоронения могильника Тилля-Тепе, откуда происходит богатейшая коллекция ювелирных изделий, стилистически идентичных, с одной стороны, предметам из Сибирской коллекции, с другой – золото-бирюзовым украшениям из саргатских погребений конца I тысячелетия до н.э. и сарматских курганов первых веков н.э. В науке не существует твердой позиции относительно происхождения "золото-бирюзового стиля". Называют "златообильную" Бактрию. Отмечают, что такой стиль появился в Китае эпохи Чжоу, с III-II веков до н.э. распространился у саков Семиречья и только после этого стал известен в Бактрии и позже – в Сарматии. Западносибирская лесостепь, видимо, познакомилась с ним около III-II веков до н.э. Сюжеты изображений на саргатских находках более близки китайско-хуннским.

Судя по всему, общество, предствленное памятниками саргатской археологической культуры, не было ни отсталым, ни слабым. Более того, в зоне саргатского влияния оказались не только лесостепные культурные образования, но и соседние, расположенные в южной тайге и в северной степи. Расцвету способствовало несколько факторов, сочетание которых оказалось особенно удачным во второй половине I тысячелетия до н.э.

Особенности природных условий лесостепи, которая не переживала столь жестких кризисов, какие иногда случались в степи, способствовала синтезу многих культурных традиций и выработке очень гибкого механизма культурогенеза*. Формирование саргатской общности совпало с процессом внедрения железа в широкую практику населения Евразии.

Первое тысячелетие до н.э. вошло в историю Евразии под знаком кочевых народов, создавших удивительно самобытную культуру – скифов, саков, сарматов, аланов и других, чьи имена нам не столь известны. Освоив огромные пространства, они соединили отдаленные части евразийского континента, сделав их ближе в культурном и экономическом отношении. Кочевники проложили пути караванной торговли, а в борьбу за эти пути вступили многие племена и народы. Серьезную роль стал играть фактор взаимодействия государств и окружавшей их варварской периферии. Континент стал теснее, отчего события в одной его части рано или поздно отзывались в другой. Саргатские племена оказались участниками этого процесса, достигнув довольно высокого уровня социального развития, и сибирские находки тому свидетельство.

**Культурогенез* – формирование основ культуры.

Считается, что в I тысячелетии до н.э. в евразийской степи звучали иранские языки, а в лесу Приуралья и Западной Сибири – в основном, финно-угорские. Лесостепь занимала промежуточное положение, поэтому здесь время от времени могла происходить смена языка или было возможно двуязычие.

Саргатская общность прошла в своем почти тысячелетнем развитии четыре этапа: формирование (VII-VI века до н.э.), подъем (V-III века до н.э.), расцвет (II век до н.э. – III век н.э.) и упадок или трансформацию (IV-V века н.э.). Наиболее богатые комплексы относятся ко второму и третьему этапам. Этот период евразийской истории насыщен драматическими событиями, приведшими, в конечном счете, к Великому Переселению Народов, изменившему этнокультурную карту значительной части континента. В частности, Л.Н.Гумилев, ссылаясь на китайские хроники в изложении Н.Я.Бичурина, помещает в лесостепное Тоболо-Иртышь Северное Угорское царство – Уи Бейго, которое находилось в хороших отношениях с хуннами.

Судя по числу памятников, лесостепь была многолюдной и процветающей. Общество, видимо, окрепло и не нуждалось в чьем-либо покровительстве. Погребальная атрибутика свидетельствует о значительном имущественном неравенстве и существовании нескольких слоев, занимающих особое место в системе военно-социальной иерархии. Высокий статус погребенного маркировался не столько пышностью погребального сооружения, как это было раньше, сколько набором инвентаря и обладанием импортными вещами. Мы не знаем в точности, по каким каналам проникали в Западную Сибирь дорогие предметы греческого, бактрийского, ближневосточного, китайского происхождения, а также предметы массового спроса, такие, как бусы, керамика. Мы можем лишь предполагать, что саргатские дружины вместе с кочевниками ходили к границам Греко-Бактрии в конце II века до н.э. Не менее вероятно их участие в системе караванной торговли. Скорее всего, саргатские племена, контролируя участки торговых путей, проходивших через их территорию, тем самым, контролировали всю торговлю пушниной в Зауралье. Имеющиеся факты позволяют предполагать существование в Евразии в третьей четверти I тысячелетия до н.э. и в начале I тысячелетия н.э. системы международной торговли, связанной с Шелковым Путем и, что его северная периферия охватывала земли далекой зауральской лесостепи.

НЕЗРИМЫЕ ГУННЫ

Тысячелетняя история Центральной Азии, с IV-III веков до н.э. по II век н.э., начиналась в предгорных степях Монгольского Наньшаня. Отсюда, как из эпицентра землетрясения, расходились бесконечные волны возбуждающие и будоражащие Китай и Тибет, Согд* и Маргиану**. Пожалуй, на Западе с этими событиями могли сравниться лишь походы Александра Македонского. Великий Сянский шаньюй*** Модэ (206-197 годы до н.э.) раздвинул границы своей державы на запад до Согдианы, на восток и юго-восток – до северных пределов Китая. Бесчисленными откупам, посулами, богатыми приношениями и брачными подарками китайцы задабривали грозных северных кочевьих соседей, дабы спасти от неминуемых разрушений свои бесчисленные запруды, каналы, питающие рисовые чеки, так как для создания и воссоздания каждой из них требовалось почти целое столетие, то есть труд по меньшей мере четырех поколений. Смерть Модэ явилась началом роста сепаратистских стремлений вождей отдельных племен. Одним удалось отложиться от хунну****, другие вступили в борьбу за престол великого шаньюя Модэ. С этого момента началось постепенное ослабление хуннского объединения. Параллельно процессу ослабления могущества кочевого мира Азии, происходит процесс усиления землевладельческого мира в лице ханьского Китая*****. Думается, что борьба между хунну и Китаем за гегемонию в Центральной Азии становится “краеугольным камнем” этно-политической истории региона азиатских степей на рубеже эр.

Мудрые ханьцы, исповедующие доктрину мира, ради ее реализации, ради стабильности готовы были на все. Выросла на северо-западной границе Великая Китайская Стена, императорские миссии во главе с Сян Ванамы – удельными князьями – плели замысловатую паутину переговоров с отдельными шаньюями, дабы

*Согд, Согдиана – страна в Среднем и Нижнем течении Сыр-Дарьи.

**Маргиана – страна располагавшаяся в междуречье Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи.

***Великий шаньюй – верховный правитель хунну.

****Хунну, сюну – кочевые племена, расселившиеся на территории Центральной Азии и Южной Сибири.

*****Ханьский Китай – династия хань III век до н.э. – III век н.э.

развалить Сюнскую Конфедерацию. Потерпев очередное поражение от Китая, в 80 году до н.э. хунну “уходят далеко на северо-запад, не смея больше искать для скота траву и воду на юге. В следующем году они построили на севере мост через реку Юйу на случай бегства”. Это сообщение Китайских хроник Гу совсем не означает, что хунну окончательно разгромлены и сходят с политической арены в Азии. Несмотря на многочисленные неудачи в войне с Китаем, хунну, тем не менее, были еще настолько могущественны, что могли покорять соседние племена и контролировать важнейшие торговые караванные пути. Так, в 70 году до н.э., хунну численностью 10 000 всадников разгромили усуней*, проникнув в бассейн реки Или, но одновременно потерпели поражение на севере и юге — от объединенных сил динлинов** и войск ханьского Китая.

Значительная часть хунну вторгается в Восточный Туркестан***, где им удается (на время) ослабить позиции Китая. Но уже в 60-е годы до н.э. они были вынуждены уступить право гегемонии в этом регионе Китаю, что фактически означало конец власти хуннских шаньюев на этой территории.

Бесконечная вражда между хуннскими племенами заставляла более слабых искать себе сильных покровителей. В 60-е годы до н.э. первые отряды хунну — более десятка тысяч всадников — уходят в подданство Китая. В это же время происходит восстание пяти шаньюев. Спор, как и всегда, разгорелся за престол верховного Шаньюя державы Хунну. Не без помощи Императора Поднебесной****, который был всегда заинтересован в ослаблении сильного политического врага, на престоле утвердился не популярный в общей кочевнической среде шаньюй Хуханье. Один из пяти поднявших восстание шаньюев, Чжичжи, узнав о том, что Хуханье с частью народа принимает подданство Китая, откочевал на запад, в сторону государства Кангюй*****. Эта эмиграция населения во главе с Чжичжи считается первым массовым движением кочевого населения на запад, в район Центрального Казахстана.

*Усуни — племена, обитавшие в Восточном Казахстане, район Семиречья.

**Динлины — большой союз ираноязычных племен Южной Сибири.

***Восточный Туркестан — часть Восточного Казахстана, Киргизии и Западной Монголии.

****Поднебесная империя — так издревле называли китайцы свое государство.

*****Кангюй — союз Центрально-Казахстанских кочевников.

По данным письменных источников территория империи Кангюй находилась между землями Аланья*, Усунь и Давань (Фергана). Она вошла в сферу влияния новой державы хуннов Чжичжи, которая просуществовала с 55 до 37 года до н.э. Неудачный поход, против хунну, предпринятый усунями в 49 году до н.э. позволил первым расширить свою территорию. К 30-м годам до н.э. держава Чжичжи охватывала земли от Тарбагатайского хребта и верховьев реки Или до среднего течения реки Сыр-Дарья.

После смерти Чжичжи в хуннском обществе вновь начинаются распри, которые продолжаются до середины I века новой эры (49 год). За это время от хунну отделились ранее покоренные племена усуней, динлинов и сяньбийцев**. В это же время происходит окончательный раскол хуннского общества на северных и южных хунну. Последние полностью приняли протекторат Китая. К 85 году н.э. северные хунну ослабли настолько, что были больше не в состоянии сдерживать натиск племен Сяньби с востока, динлинов — с севера, южных хунну и ханьских войск — с юга и юго-востока. Для северных хунну оставался один путь — на запад. Пройдя “Джунгарские ворота”, хунну, вероятно, уходят на известную им территорию Кангюй.

Таким образом, к 80-м годам нашей эры действительно произошло падение хуннской державы. Но причины их поражения лежали не только и не столько в подрывной деятельности ханьских вельмож и императорской армии (сама династия к тому времени доживала последние годы), и даже не в нашествии бесчисленных полчищ сяньбийцев с востока. Это, скорее всего, было следствием. Резкое осушение монгольских степей, наступления гобийской пустыни, — вот что заставило хуннов покинуть земли отцов.

“...Они проходили мимо гор своей родины и плакали...”

Расколовшись на несколько ветвей они устремились в разных направлениях. Одни ушли на юг и осели у западных и юго-западных границ Китая и долгое время после еще участвовали в политике императорского двора, даже создали свою династию. Другие ушли на северо-восток. Осели в Прииртышье и образовали новый союз “теле”, который позже заявил о себе. Третьи проникли глу-

*Аланья, аланы — большой союз ираноязычных кочевников бассейна Сыр-Дарья.

**Сяньб ищы, сяньби — союз монгольских племен Восточной Монголии.

боку в Среднюю Азию до Афганистана. Четвертые ушли на север, в Сибирь и оттуда продвинулись далее на восток, смешавшись с угро-самодийскими племенами. А пятые устремились в Присырдарьинские степи, однако взметнувшаяся стрелка засухи настигла их и здесь. Со II по V века н.э. начинают умирать когда-то благодатные Амударьинские и Сырдарьинские оазисы. Умирают и засыпаются песками города Хорезма и Согда. Попав в климатическое лихолетье, всколыхнулось и жившее здесь население: азиатские сарматы,* кангыи, аланы. Волны Великого переселения, на гребнях которых красовались знамена победоносной хуннской конницы, выплеснулись к отрогам Урала. Здесь, казалось бы, почти на два столетия — со II и до начала IV века — этот океан стих. Щупальца китайских информаторов уже не достигали гор Юли-боли — Урала. Взгляды римских и европейских летописцев тоже простирались лишь до Итиля — Волги. Что происходило в таинственной, никем не ведомой стране Гуннии**? Да и где, собственно, располагалась та легендарная страна?

Попытаемся проследить скудные данные письменных источников, касающихся того периода деяний гуннов.

Французский историк середины XVIII века Дегинь, опираясь на восточные источники, утверждал, что “гунны с берегов Яика — Урала — завоевали соседей на Западе, называемых “яньцзя” (аланов)”. Эти упоминания о реке Урал позволяют, если не отодвинуть, то во всяком случае расширить территории, на которых взаимодействовали гуннские отряды с сарматскими племенами на западе в I-III веках н.э. Привлечем данные позднеантичных авторов. Из “Географии” Птолемея и Дионисия известно, что гунны (под названием “унны”) живут за Гирканским (Каспийским) морем. Ефстафий, в “Комментарии к “Землеописанию” Дионисия” пишет, что “унны или гунны... каспийский народ из племени скифов”. Все эти упоминания относятся к 150-160 годам н.э.

Иордан, в своей “Гетике”, обращаясь к истории готов I-II веков н.э. очерчивает границы Скифии, причем ее восточная граница представляется ему следующим образом: “Скифия погибает в

**Сарматы* — ираноязычные кочевые племена Средней Азии и Казахстана.

***Гунния* — страна гуннов. Какова генетическая преемственность хуннов и гуннов? Это весьма сложный вопрос, решением которого занимались многие исследователи. Ясно одно — монгольские хунны и восточноевропейские гунны в культурном отношении весьма различны.

левую сторону за Каспийским морем, а это последнее возникает на крайних границах Азии от северо-восточного океана в виде граба, сначала тонкого, потом широчайшей круглой формы склоняясь к области гуннов...". Этот отрывок позволяет получить следующую информацию: во-первых, территория гуннов в I-II веках н.э. находилась за Каспийским морем. Во-вторых, что даже в VI веке н.э. позднеантичные авторы отождествляли Аральское море с заливом Каспия.

Таким образом, видно, что в I-II веках н.э. гунны оказались разбросанными на громадной территории от Урала и до бассейна Иртыша, а на юг — вплоть до среднего течения реки Сыр-Дарья. Вызывает сомнение лишь западная граница расселения гуннов, установленная некоторыми исследователями по реке Яик. Вполне возможно, что западным рубежом территории Гуннии являлось Волга.

Таким образом, зная локализацию Азиатской Сарматии, Алании и Гуннии, руководствуясь этим, мы можем довольно четко определить западную границу Гуннии. Она граничила с Аланией по нижнему и среднему течению реки Урал и по южным отрогам Уральского хребта.

Население Гуннии, во II-IV веках н.э. занимавшее регион Урало-Ишимского междуречья, в своей основе было сарматское. Это сарматское население активно смешивалось с пришлыми племенами, некогда входившими в державу легендарного шаньюя Чжичжи и обитавшими в степях южного и центрального Казахстана, создавая новое этническое образование.

Таким образом, в Южноуральских степях новыми переселенческими волнами, — как горными водами, сорвавшимися в глубокую долину, — клокоча и перемешиваясь, наполнялось бурное море нового, ранее невиданного этнокультурного объединения — гуннов. В него вошли и сармато-аланы Азиатской Сарматии и финно-угры Сибири, Урала и Поволжья и, конечно же, авангард северомонгольских кочевников, которые, движимые своей безысходностью, возглавили тумены* нового войска. Какие они были? Раскопки одного из известных гуннских могильников — Большекараганского, расположенного в долине Аркаима, показали, что в основном это европеоидное население (по всей видимости среднеазиатского, иранского типов). Однако одно из погребений (девочки 14-15 лет)

*Тумен — 1000 всадников.

носило на себе явно монголоидные черты. Особо примечательно, что это погребение было наиболее богатым из всех остальных, что указывает на высокое положение умершей, возможно принадлежавшей к родовой верхушке.

В чем же загадка гуннов? Почему долгое время историки, археологи, этнологи не могли определенно очертить тот долгий путь от Тарбогатая до Волги? С одной стороны, благодаря китайским хроникам, мы с точностью до года знаем историю хуннов до 81 года н.э. в монгольских степях. С другой стороны, благодаря Иордану, Прокопию Кесарийскому и римским известиям хорошо осведомлены о деяниях гуннов в Европе с IV по V века н.э.

А что было между? Какая историческая и культурная дистанция между хуннами и гуннами?

Где вы храмы отцов?
Где вы предков священные травы?
Мы дороги, забытые кем-то, торим
И сжигает лицо незнакомое солнце,
И славу, невкушенную нами,
мы всоряем потомкам.

Наверное и сегодня на этот вопрос еще трудно ответить однозначно. С большей или меньшей долей вероятности сейчас мы можем признать тот факт, что в Южноуральском этнокультурном котле смешались и выплеснулись на Волжских алан и Крымских готов* орды совершенно нового исторического объединения, в основе своей собравшего все тех же урало-казахстанских кочевников.

**Крымские готы* – государство, возникшее в Крыму во II веке н.э. с приходом племен из Северной Европы.

СЫНОВЬЯ КРЫЛАТЫХ ВОЛКОВ (ТЮРКИ)

Сначала серебряным холодом осветились вершины горных береговых кряжей. Тяжело и торжественно над ними всходила полная луна. Ночь еще не сгустилась, и в фиолетовом свете отчетливо высвечивались изгибы степной речушки, петляющей вдоль каменистых отрогов гор среди зарослей тальника. Матово отблескивали сталью шлемы и панцири тяжелых катафрактариев*, которые со всех сторон плотным каре сопровождали тяжелую каганскую** колесницу, на ней возвышалась большая белая юрта бадур-джабу*** Истеми-хана.

“Последнее полнолуние этого славного лета”, — думал хан, выглядывая из-под шелкового полога. Тумены подходили к неведомым горам Юли-боли****. Как они похожи на родные Саянские предгорья. Нет только могучих пихт, тяжело взбирающихся по склонам к основанию вершин.

Подтягивались арьергарды и разливались по широкой пойме. Отсюда, с вершины было видно, как вспыхивают вечерние костры, покрывая огромным замысловатым ковром речную долину.

“Славное лето. Словно еще вчера у берегов Гульзариуна***** были разгромлены последние отряды разноликой армии эфталитов, хуней и варов*****. Разрушены глинобитные стены их захиревших городов. Знойная пустыня осталась после нас на берегах Западного моря*****... А сегодня мои кони пьют воды рек неве-

*Катафрактарии — тяжелая кавалерия.

**Каган — хакан, хан.

***Бадур-джабу — заместитель Великого хана. В подчинении бадур-джабу 100 000 всадников.

****Юли-боли (кит.) — Уральские горы.

*****Гульзариун — река Сыр-Дарья.

*****Хуни (хиониты) и вары (авары) — племенные союзы, сложившиеся в результате смешения гуннов и среднесазиатских аланов. После вторжения тюрков они были вынуждены откочевать в Восточноевропейские степи, где создали могучий аварский каганат.

*****Западное море — Арал.

домой северной земли, в которой кроме тюркских гарнизонов и нескольких сотен хунитских семей, в страхе бежавших на север в березовые леса, нет никого. Отныне тюркские и телесские племена полноправные хозяева этих просторов. И по праву хозяев мы даем свои имена этим землям, горам и водам. Сегодня одна из речушек так и была наименована командой моих уст — *Дай коню воды — Берсуат*”. Бадур-джабу прервал ход своих мыслей и посмотрел на увядающий закат. Его укрывали тяжелые предосенние тучи, лишь у самой кромки гор горел яркий алый клинок горизонта. Туда устремлялась его мысль. К неведомому могучему Итилю* и дальнему Гирканскому** морю. Туда, где за высокими стенами Семендера*** и Константинополя таятся несметные богатства, часть которых гуннские и византийские владыки без особого сожаления отдают в обмен за свой величественный покой и в уплату за шаткие союзы против своих заклятых врагов. Туда стремилось его самолюбивое сердце Великого полководца. Туда приказывал ему вести свои тумены его старший брат — Великий хан Бумынг.

Это донесение, написанное на тонкой ивовой палочке, принес сегодня гонец из далекой ставки кагана. Но здесь решает он, и завтра истощившиеся табуны уйдут в пойменные луга новых земель, а воины будут ставить толстостенные юрты на зимовьях. А по первой пороше совершат набег на угорские становища, чтобы украсть молодых жен — хозяйек своих новых очагов. И к концу следующей весны эти степи огласятся младенческими криками — будущих воинов его бесчисленного, непобедимого войска. И эта чужая земля станет родной, поскольку здесь народилось новое поколение волков. Здесь будут сооружены погребальные святилища, в которых сожгут прах погибших и умерших. Значит, эти пределы станут землей предков.

Так и будет. А когда отцветут степные тюльпаны, рванутся его крутобокие табуны в сторону, куда прячется златолобое светило, унося в своих седлах окрепших воинов, готовых победить весь мир... Решение при-

*Итиль — река Волга.

**Гирканское — Каспийское море.

***Семендер — средневековый город-крепость на западном побережье Каспийского моря.

нято... Бадур-джабу легко соскочил с подножки и поставил руки под серебряный кубок. Восходила полная луна, волчья пасть на флаге кагана взметнулась, словно пыталась ее поглотить.

— *Добрый знак, добрый час для роковых решений. — Запахнувшись в тонкий суконный халат, подбитый синим шелком, Истеми-хан сел на белую кошму к вечернему дастархану**. День угас. Северный поход завершен...

* * *

...Было ли это так? Или, возможно, как-то иначе? Но было. Легендарные тумены ступали на неведомые земли, включая их в новые пределы своей необъятной эйкумены. И они когда-то, как и мы теперь, остро ощущали это будоражащее чувство новой земли. Ее неизвестный запах, цвет, разломы оврагов и профили горных кряжей и скал. Земные пределы широко названы человечеством: леса, поля, степи, пустыни, города. Но внутри них существуют пространства, которые одиночно принадлежат либо одному человеку, либо небольшому сообществу. Даже здесь, в глухой безымянной Зауральской степи, каждый из этих мысов распадков, ключевин и оврагов когда-то имел свое неповторимое название, смысл которого был ведом лишь тогдашним хозяевам этих степей: индо-арням, сакам, сарматам, гуннам и тюркам.

Названия, данные последними, прочно закрепились за Уральскими землями. Их донесли до нас тюркоязычные потомки тех первых тюрков, которые когда-то раздвинули западные границы Великого тюркского каганата до Урала и Волги. Но, как и гунны, они прошли по нашим землям почти не оставив следа.

Мы прошли по земле

Безымянно и слепо.

Лишь могильные склепы,

Нарушив простор, очертили

наш путь.

Где начало его?

Где конец забвения?...

Действительно, где начало этого легендарного пути тюрков? Оказывается там же, где и их предшественников хуннов — в центре Азиатского континента. Однако первоначально землей их обитания явились не бескрайние Центрально-монгольские степи, а

* *Дастархан* — своеобразный стол-помост, бытовавший среди населения Азии.

предгорья и нагорья Алтая и Саян. Их передвижения вполне закономерны, так как жестокие засухи на несколько веков превратили степи в пустыни. Даже победоносные сяньбийцы, которые в конце I века н.э. изгнали последних хуннов с их исконных земель, быстро оставили безжизненные степи, расфрившись среди соседних кочевых племен западного Туркестана и Саяно-Алтайских предгорий.

Наиболее могущественным был союз племен, получивший общее название жужани. Жужани несколько веков обитали между Хинганом и Алтаем. К 40-м годам V века н.э. их могущество позволило им привести свои тумены на берега Хуанхэ к Великой китайской стене и в Турфанскую долину, откуда жужанями были изгнаны последние южные хунны.

Однако, вероятно, благодаря тайному сговору чиновников Китайской империи и старейшин телесцев, одного из самых многочисленных вассальных племен жужаней, более 100 тысяч семей в 490 году восстают против жужаней и уходят в Север-Восточный Туркестан и верховья Иртыша, где создают новое кочевое государство Гаогюй*. К этому времени в Юго-Западном Алтае возвышается небольшое племя тюгю или тюркютов, которое довольно быстро, возглавив часть телесского союза, выступает на военно-политическую арену как грозный соперник жужаней и верный союзник китайского императора.

Возникает вопрос. Кто они были, эти полуполюгендарные телесцы и тюркюты? Существует легенда, которая, на наш взгляд, своеобразно трактует момент их возникновения и указывает на земли происхождения тюркоязычных предков. "Одно из больших племен, которое носило название Со (что в переводе волчица**), было разгромлено и уничтожено врагами, лишь остались четыре мальчика — внуки старой волчицы. Они бежали в горы: первый превратился в лебедя (племя лебединцев обитает в северных предгорьях Алтая), второй поселился между реками Абу и Гянь (Абакан и Енисей), третий и четвертый на реке Чуси (Чус Алтай)". Таким образом, первоначальными территориями тюрков, как уже

* Различные авторы склонны по-разному интерпретировать местоположение этой страны. Существуют точки зрения, в которых страна Гаогюй располагалась к северу от Турфана и даже в низовьях Енисея.

**Волк — бессменный тотем тюркютов, его изображения красовались на флагах и одеждах тюрков.

упоминалось, были труднодоступные районы Алтая и Северного Присаянья. В 50-х годах VI века тюркскую конфедерацию возглавил хан Бумынг. Он окончательно подчинил телесцев (546 год) и разгромил жужаней (555 год). Тогда же начинаются победоносные походы его младшего брата Истеми-хана на запад, войска которого к 555 году достигают Западного моря — Арала, а к 558 году, после разгрома среднеазиатских аваров*, он выходит к Итилю — Волге и вторгается в Восточную Европу.

Читая эти строки, читатель должен иметь в виду существенное различие между исходом и миграцией хуннов и гуннов и походами западного и восточного крыла непобедимого войска тюрков.

Если нашествие первых, вероятно, было продиктовано жизненной необходимостью, а точнее безысходностью, то тюркские походы являлись блистательными рейдами вначале в глубь Средней Азии, где они разгромили могущественную державу Эфталитов** (565 год), а затем в Закавказье и на Босфор (576 год) и в Иран (589-593 годы).

Остается лишь изумляться молниеносной мобильности тюркской конницы и гению полководцев, позволившим фактически в течение 100 лет беспрестанных походов и войн, приковать к своей деятельности весь Евразийский мир. Однако, нас, безусловно, в большей мере интересует вопрос, каким образом овеществилась культура этого легендарного народа в степях Южного Урала.

Исследователи не пришли к единому мнению о принадлежности конкретно тюркам тех или иных памятников VI-VII веков. Да и таковых сегодня насчитываются единицы. К слову будет упомянуть, что в Монголии и Южной Сибири подобных памятников не многим больше. К ним относят прежде всего курганы, в которых тюрков-тюгу хоронили по обряду труносожжения, а телесцев клали в ямы вместе с их взнузданными лошадьми. Однако, если некрополи последних были исследованы на Алтае и в Монголии, то погребения тюркютской верхушки до сего дня остаются загадкой. Другими наиболее массовыми находками этого времени являются каменные поминальные ограды и изваяния, изображающие воинов, держащих в руке кубки или кинжалы. Это своеобразные жертвенно-

*Авары — ираноязычные племена среднеазиатских кочевников, возникшие в результате вторжения туда хуннских племен.

**Государство в Средней Азии, Афганистане и Северо-Западной Индии в V-VI веках.

номинальные сооружения для сородичей, умерших далеко от мест зимовий. Подобные памятники были обнаружены и на юге Челябинской области в урочище Каменный Амбар и Синташта.

В 1994 году в Оренбургской области на берегу реки Солончанка археологами был исследован интересный комплекс, который представлял собой большое наземное сооружение, называемое “Курган с усами”. В него входят три каменных кургана. Центральный — самый крупный, от двух боковых на восток расходятся на расстояние 100-200 метров две дугообразные гряды. На их концах располагались специальные смотровые площадки. При этом центры курганов и площадок отстоят так, что, совмещая их, можно фиксировать солнце и луну в дни солнцестояния и полнолуния. Таким образом, это не только храм, но и гигантский наземный астрономический прибор. При разборке насыпей было обнаружено, что в них во всех присутствуют следы огня — прокалы, угли, обожженные камни и предметы, уложенные здесь же в насыпях. Захоронены и обожженные жертвенные лошади. И хотя следы кальцинированных (сожженных) человеческих костей обнаружены не были, все удивительным образом напоминало тюркский обряд, описанный китайскими летописцами. Тем более, что в других аналогичных сооружениях, в огромном количестве исследованных в Казахстане, были обнаружены и следы человеческих трупосожжений и своеобразные керамические горшки-вазы, явно демонстрирующие сходство с керамикой Саяно-Алтайских памятников тюркоязычных кочевников VI-IX веков.

Но это не все овеществленные следы Великих тюрков, которые были оставлены ими в Евразийской степи. Главным наследием, пожалуй, был их язык. Тот самый, который, благодаря своей чудесной простоте и общедоступности, превратился в своеобразное степное эсперанто, позволившее объединить судьбы всех последующих тюркоязычных народов. Несмотря на то, что в 581 году Великий Тюркский каганат раскололся, вначале на Восточный и Западный, а сто лет спустя рассыпался на десятки степных кочевнических государств (хазары, болгары, огузы, печенеги, канглы, башкорты, кимаки, кыпчаки, кыргызы, уйгуры и другие), скрепляющий раствор тюркского единоплеменничества впоследствии неоднократно объединял эти народы в могучие Евразийские империи. Не случаен в этой связи тот факт, что Россию — как Великую Евразийскую державу — сегодня объединяет историческое двуединство русского и тюркского языков.

В СТРАНЕ МАДЖУДЖЕЙ И ЯДЖУДЖЕЙ

(МАДЬЯРЫ, КИМАКИ, КЫПЧАКИ)

VIII-XI века для Уральских степей явились весьма интересным временем. Распад тюркских каганатов привел к тому, что в степях возникло множество кочевых объединений, названиями которых пестрели арабские, персидские, китайские и европейские письменные источники. Наиболее интересными и загадочными для уральской истории являются племена мадьярской племенной конфедерации, которые формировались на основе угорского населения уральских и западно-сибирских лесостепей. Ученые сегодня не пришли к единой точке зрения, где именно располагался первоначальный очаг формирования мадьяр.

Очертить границы расселения угорско-мадьярского населения по письменным данным довольно сложно. Подавляющая часть источников упоминает о венграх, покинувших *Magna Hungaria** и пресыщающихся в южно-уральских степях. Многолетний научный поиск древней прародины венгров породил несколько гипотез. Доминирующими сегодня являются две: Приуральско-Поволжская, основывающаяся большей частью на археологических материалах погребальных комплексов IX-X веков, и Зауральско-Западносибирская, в пользу которой указывают этно-лингвистические данные и материалы по археологии эпохи раннего железа.

Не пытаясь отстаивать ту или иную точку зрения, напомним лишь сведения, которые сообщает арабский путешественник середины IX века Селям Тарджеман о стране Яджуджей и Маджуджей. Несмотря на общую отрывочность и полуфантастичность его сообщения Селям довольно точно локализует эту страну: она располагалась в целом севернее, чем кочевья теркешей (тюркешей)**, занимавших район от страны гузов до Семиречья, Западного Алтая. Таким образом, Яджуджи и Маджуджи расселялись к северу от степей между Уралом и Алтаем. Здесь же, к северо-за-

**Magna Hungaria* – "Великая Венгрия".

***Тюркешей* – союз тюркоязычных кочевых племен на территории Центрального Казахстана (VIII век).

паду от кимаков, другой арабоязычный автор Ал Идриси локализует легендарную страну Гога-магога. Безусловно, эти данные сомнительны, но обращает на себя внимание явная схожесть корневой основы самоназваний: Яджудж, Маджудж-мадьяр, маджурдж; башкир, бутджурт, баджирт. Одна из раннекыпчакских групп, кочевавшая между Уралом и Ишимом, носила также название Йаджурд.

Восточная граница расселения мадьяр в IX-X веках не могла проходить значительно западнее Южного Урала. Определенный намек на это содержится в другом письменном источнике, где упоминается о безымянных горах на востоке. В начале миграции мадьяры, вероятно, не сразу оторвались от родовых территорий. Фантастическая цифра, определяющая протяженность страны мадьяр, – 150 x 100 фарсангов* – вероятно, охватывает обширную территорию с учетом западных районов прародины венгров.

Скорее всего, к концу IX века значительная часть угорско-мадьярских племен расселилась по обеим сторонам Уральских гор. Большинство исследователей соотносят культуру мадьяр с памятниками так называемых кушнаренковской и караякуповской культур. Курганы этих культур представляют собой грунтовые насыпи, под которыми на небольшой глубине совершены семейные захоронения (от 2-3 до 50 человек). Характерной чертой их является положение на краю ямы черепа и костей конечностей лошади, а также сооружение деревянных или берестяных помостков вблизи ям. Яркий элемент сопровождающего материала – поясной набор. В это время поясная гарнитура достигла своего наивысшего расцвета. Накладки мадьяр были богато украшены растительными (трилистник, изображение плодов и цветов) и зооморфными (изображение собак и волков, фантастических животных – сенмуров) орнаментами. Также частыми среди сопровождающих вещей являются предметы конской упряжи (удила, стремяна, пряжки) и украшения (перстни, височные подвески, серьги, наконечники и другие).

В конце IX века мадьяры покидают свою прародину и уходят на запад сначала в страну Леведию** затем в Ателькузу*** и уж затем в Подунавье.

*Фарсанг = 6 километров.

**Леведия – легендарная страна, которая располагалась, по мнению одних авторов, в междуречье Волги и Дона, других – в Среднем Поволжье.

***Ателькуза – вторая страна венгров после исхода с прародины. Располагалась, вероятно, в междуречье Дона и Днепра.

Каковы же были причины исхода мадьяр со своей уральской прародины. Вероятнее всего, они возникли из внешнеполитических условий. Дело в том, что в IX веке происходит активное усиление восточного соседа мадьяр – кимакского каганата. Кимакокыпчакские племена тюркоязычных кочевников начинают свои беспрестанные рейды на запад в степь и лесостепь.

Проникновение их на Урал и уход мадьяр, скорее всего, звенья единого этно-политического процесса, хотя в письменных источниках не указаны границы между кыпчаками и мадьярами, и отсутствуют сведения об их контактах в Урало-Поволжье. В хронике короля Белы (XII век) указывается лишь, что земля первоначального расселения венгров была “очень переполнена” и с “общего согласия семи вождей мадьяры покинули ее, переправившись через реку Этил (Волгу) в 884 году”*. Несколько позже, очерчивая западные и юго-западные границы расселения кыпчаков, также сообщается о войне между племенами гузов, кыпчаков и карлуков, с одной стороны, и печенегов, башкир, буджан и “нукерде”, с другой, в которой первые одержали победу. Арабский путешественник Ибн Фадлан упоминает о встрече с башкирами в северо-западном Приаралье. В дальнейшем этнонимы “баскарт и мадьяр” в арабской литературе звучат как синонимичные, что вносит определенные сложности в их идентификацию, однако указывает и на

*Хотя первое проникновение мадьяр в Волго-Донские степи произошло, по мнению М.И.Артамонова, основанному на западных источниках, гораздо раньше – в 822 году.

- 1 – проникновение южно-сибирского тюркоязычного населения (VII-VIII века).
- 2 – продвижение ранних кочевников вдоль бассейна р. Ишима (IX-X века).
- 3 – продвижение ранних кыпчаков на юг (Арал, Сыр-Дарья) (IX-X века).
- 4 – противоборство кыпчаков-печенегов, башкир (X век).
- 5 – продвижение раннекыпчакского населения (Селегташ).
- 6 – кимаки на Урале (Синеглазово сражение типа конец IX-X веков).
- 7, 8 – проникновение в Приуралье мадьярского населения. (Позднекушнаренковские памятники IX-X века).
- 9, 10 – проникновение в Приуралье памятников кушнаренковского типа (VII-VIII века).
- 11, 12 – противоборство огузов и печенегов (X век).
- 13, 14 – уход печенегов в юго-восточную Европу (X век).
- 15 – уход части башкир в юго-восточную Европу (X век).
- 16 – продвижение мадьяр.
- 17 – уход огузов (X век).

явную родственность. Так, говоря о племенах, живущих у Черного моря в 926 году, говорится о башкирах, печенегах, булгарах, руссах и мадьярах, хотя, по всей видимости, речь уже идет о части башкирских племен, откочевавших вместе с печенегами из Урало-Аралья.

Попытаемся теперь выяснить, кто же такие были кимаки и кыпчаки.

Как уже говорилось, кимаки являлись кочевническим союзом в основе своей тюркоязычных племен, сложившимся к концу VIII – началу IX веков первоначально на территории Среднего Поиртышья. Несколько позже (IX-X века) арабско-персидские источники упоминают, что на востоке кимаки граничат с кыргызами (вероятно по долине Оби), на севере и северо-востоке со страной Яджудж-Маджудж (по северной широте лесостепей), на западе и на юго-западе – с печенегами (от Южного Зауралья до Приаральских степей) и на юге – с огузами (по территории Центрального Казахстана).

Согласно генеалогической легенде данная племенная конфедерация состояла из 7 родов: имак (то есть кимаки), ими, татар, байандур, кыпчак, ланиказ, аджела.

К середине XI века кимаки утратили свое этно-политическое господство и уступили место новому кыпчакскому родо-племенному союзу. Археологически культура племен кимако-кыпчакского союза представлена памятниками сросткинской культуры IX-X веков, которая распространилась с Верхнего Приобья до Иртыша.

Продвижение кимакских племен на территорию Южного Урала относится, вероятно, к самому концу IX-X веков, о чем свидетельствует появление некоторых погребальных памятников: Синеглазово (вблизи Челябинска), Каранаево, Бекешево, Хугаиново и другие (Башкирия). Эти могильники состоят из небольших грунтовых курганов с несколькими ямами, многие из них разграблены. Судя по сохранившимся погребениям покойник лежал головой на северо-запад. Вещевой инвентарь состоял из украшений (бусы, серебряные каплевидные подвески, серги с ромбическим отростком), поясной гарнитуры, предметов конской упряжи, колчанов с набором железных и костяных наконечников стрел. Керамическая посуда встречается очень редко. В курганах и погребениях попадаются также кости ног и челюсти лошади. Эти ком-

плексы отражают процесс проникновения тюркоязычного населения юго-западной Сибири в среду угорского лесостепного населения Южного Урала.

Этноним кыпчак появляется на политической арене где-то в VIII-IX веках. Однако в китайских источниках он приводится гораздо раньше в списках кочевых племен Южной Сибири. Существует легенда, по которой мальчик кыпчак был рожден женой знатного бека в дупле дерева. Отсюда и происходит название кыпчак (чыпчак — дуплистое дерево). В определенной мере эта легенда указывает на то, что первоначальной территорией сложения данного союза племен была лесостепная или лесная зоны. Возможно, это были районы Поиртышья. Как уже говорилось, на раннем этапе кыпчаки входили в единую конфедерацию, получившую название “Кимакский каганат” (IX-XI века). Верховный хан его, в свою очередь, вероятно, находился в вассальной зависимости от Огуз-хана, великого хана Уйгурской кочевой империи*. В родословной тюркского дерева говорится о том, что Огуз-хан посылал своего младшего сына кыпчака с войском на усмирение взбунтовавшихся башкурды (башкиров), маджаров (мадьаров), урусов, оланов. После усмирения и покорения этих народов кыпчак царствовал в той степи триста лет. Поэтому степь между Яиком (Уралом) и Тином (Доном) называлась Дешт и Кыпчак (кыпчакская степь).

Эти данные достаточно достоверные. Действительно, в XI веке кыпчаки захватывают районы Улу-Тау и бассейнов рек Сарысу, Ишима, Тургая, входивших ранее в зону обитания гузов. К середине XII века юго-восточное крыло кыпчаков одерживает верх над сырдарьинскими гузами и, захватив все Приаралье, кыпчаки выходят на границы Хорезма.

С конца XII века они активно осваивают северную часть южноуральских и западносибирских степей и частично юг лесостепи. Вообще, XI — начало XIII веков было золотым веком кыпчакского союза. К этому периоду они проникают далеко на запад и захватывают не только южнорусские степи, но и Крым, и Западное Причерноморье. Русские летописи запестрели яркой информацией о “поганных половцах”, которые долгое время угрожали южным

*Уйгурский каганат — союз тюркских племен Центральной Азии VIII-IX веков.

границам Руси. На этот период “Дикое поле” сменило название “Половецкая степь”, которая простиралась от Днепра до Дона.

Отыскать и исследовать на Урале ранние кыпчакские памятники XI – начала XIII веков было весьма сложной задачей. Вероятно, в этот период, когда зимовья кыпчаков располагались в Семиречье и в бассейне Сыр-Дарьи (а следовательно и родовые земли с некрополями) Южный Урал являлся далекой северной периферией Дешт и Кыпчак. Однако в 1989 году на берегу реки Синташта археологам удалось исследовать комплекс, в котором была захоронена молодая женщина с младенцем (видимо, это было погребение матери и ребенка, умерших при родах), в котором кроме принадлежностей конской упряжи, традиционно помещаемых в погребениях, было обнаружено ожерелье из лазуритовых подвесок. Подобные украшения являлись своеобразной визитной карточкой ранних кыпчаков и половцев Западной Сибири и Южно-русских степей.

Позже были найдены и раскопаны мужские погребения, принадлежавшие ранним кыпчакам. Обязательным атрибутом их является шкура коня, уложенная на своеобразной ступеньке рядом с умершим. Вероятно, шкура коня снималась (оставляли только череп и конечности), набивалась сеном и таким образом символизировала жертвоприношение в виде целого коня.

Основными сопровождающими вещами, безусловно, были предметы вооружения. Например, сабля, новый вид вооружения, заимствованный кыпчаками у Енисейских кыргызов. В колчанах, изготовленных из бересты и украшенных тончайшими костяными накладками, резной инкрустацией, залитой впоследствии неорганическими красителями, помещалось несколько массивных наколенников в виде лопаток и полумесяцев.

Но самыми интересными памятниками, относящимися к раннекыпчакскому периоду, являются курганы, которые впервые были обнаружены и исследованы на юге Челябинской области в урочище Селенташ и в Аркаимской долине. Они представляли собой каменные оградки или каменные насыпи, под которыми были найдены следы трупосожжения, небольшие предметы (поясные накладки, пряжки, наконечники стрел и другие) и развалы керамической посуды. Формы последних весьма озадачили исследователей. Если маленькие тонкостенные, изящные горшочки, изготовленные из хорошо отмученного теста, относились к уже извест-

ным образцам кушнаренковской и караякуповской культур, то большие грубо слепленные вазы находили свои аналогии далеко на востоке, в недрах памятников тюркоязычных кочевников Центральной Азии. Что это? Замысловатое переплетение угорской и тюркской традиций? Или своеобразное отражение процесса взаимопроникновения различных культур: восточной кыпчакской и западной мадьярской? Однозначно сегодня ответить сложно. Интересен также факт сохранения классического тюркского обряда трупосожжения в столь позднее время (XI-XII века) в кыпчакской среде. На Южный Урал этот обряд вместе с его носителями, вероятно, проник далеко с востока, с Енисея, где широко применялся в среде кыргызских кочевников. Это еще раз указывает, что Дешт и Кыпчак кроме непосредственно кыпчаков населяло множество других племен: канглы, башкиры, печенеги, кепгелесы, нойманы и другие. Данная ситуация вполне естественна для всех степных сообществ всех времен. Письменные источники, описывая те или иные земли, упоминают лишь главенствующие на них племена. Всю же пеструю картину кочевнических конфедераций чужеземные авторы постичь были не в состоянии.

Однако на тюркские корни, кроме приведенных черт погребального обряда, указывает еще одна сохраняющаяся традиция — жертвенно-поминальные сооружения. Более того, в кыпчako-половецкое время она получила свое новое развитие. В ряде случаев, небольшие оградки превращаются в целые святилища, на которых, возможно, устанавливались большие юрты (дома мертвых). Подобный памятник был раскопан в урочище Аксак и сейчас реконструирован в Аркаимском заповеднике. Внутри такого святилища сооружались столбы, где вывешивались шкуры жертвенных животных. В центре его находилось большое каменное изваяние, у ног которого ставили кувшины или миску с молочной пищей (скорее всего кумыс). Поминальные храмы служили также для отправления множества других языческих культов кыпчаков. Позже эти сооружения были безжалостно разрушены монголоязычными кочевниками Чингиз-хана и его преемников. Вот почему многие изваяния со следами преднамеренного разрушения мы обнаруживаем глубоко в земле. Вероятно кыпчаки иногда пытались упрятать своих предков от надругательства чужеземцев. Однако с приходом монголов история Дешт и Кыпчак не кончается. Как невозможно вычерпать море, так невозможно было даже Велико-

му Тимучину истребить и изгнать всех кыпчаков и половцев. Да мудрый полководец и степной император совсем и не стремился к этому. В монгольском войске существовала устойчивая традиция принимать в свои тумены всех завоеванных степных собратьев. Именно поэтому, спустя десятилетие, войско Бату-хана уже лишь на четверть состояло из собственно монголов, а остальную часть в подавляющем большинстве составляли все те же кыпчаки-половцы. Могучее государство Золотая Орда, которое возникло как результат чингизидовых завоеваний, также в подавляющем своем большинстве состояло из кыпчакских кочевников. Кыпчакская родовая аристократия играла важнейшую роль во всех перипетиях степной политики. Так в XV веке, объединившись под главенством одного из отпрысков чингизидов Шибан-хана, 25 000 южно-уральских кыпчакских семей откочевывают в Хорезм, где принимают активное участие в создании нового могучего государства узбеков.

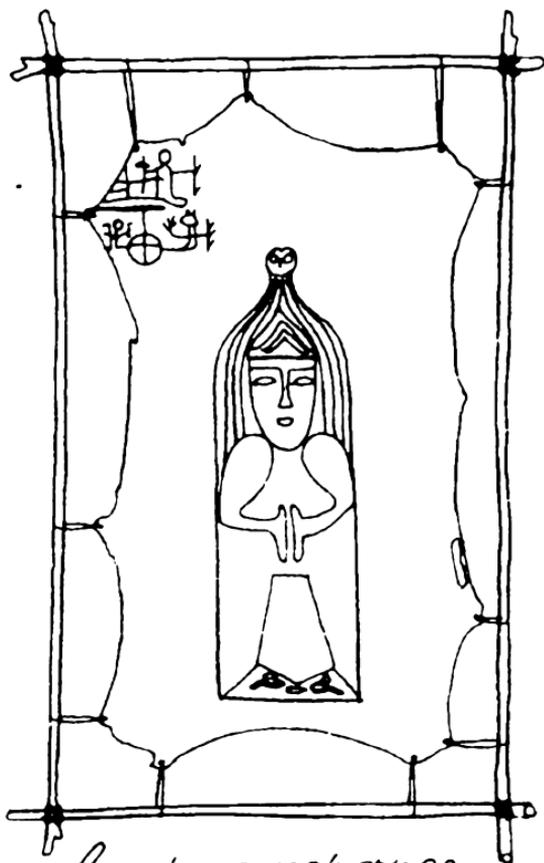
Впоследствии кыпчакские роды вошли как наиболее многочисленные в состав множества современных тюркоязычных народов: казахов, башкир, татар, туркменов, узбеков и других.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЮГРУ

В XI веке вплоть до Северного Приуралья, где обитали самые восточные племена – пермяне и исчезнувшие позднее печора, распространились пределы новгородских владений. Постепенно заселяя эти земли крестьянами, строя городки и погосты, Господин Великий Новгород овладел "древним отечеством народов чудских", известным в скандинавских сагах под именем Биармия. Пермские владения Новгорода явились своеобразным форпостом в его дальнейшем продвижении на восток, за Каменный Пояс, и активную роль в этом сыграли древние коми. Известно, что пермяки, остяки (ханты) и вогулы (манси) "издавна общались" между собой, а русские с помощью приуральских жителей – пермян – постепенно приобретали сведения о землях за Уралом. Однако, никаких данных об этом долгое время не было. И это неудивительно. До русских летописцев доходили далеко не все сведения о событиях, происходивших даже в их землях, а уж тем более в далекой Югре.

И все же завеса над туманными веками этой загадочной страны сегодня приподнята. Ничего не исчезает бесследно. Давно ушли в мир иной первооткрыватели новых земель, сменились десятки поколений людей. Казалось бы, ничего и никто не может сегодня осветить "дела давно минувших дней". Но вот стоило появиться тоненькой "ниточке", ведущей в начало нашего тысячелетия, как в песочных часах "временных лет" засверкали золотые крупички ценнейшей информации. Этих крупичек пока немного, но собранные вместе, они позволяют заглянуть нам в прошлое и совершить "путешествие" в средневековую историю седого Урала.

В Нижнем Приобье в I тысячелетии нашей эры обитали древнехантыйские племена, развитие которых на протяжении большей части периода не нарушалось практически никакими посторонними воздействиями. Известный ученый Валерий Николаевич Чернецов, посвятивший свою жизнь исследованиям древностей хантов и манси и создавший для них азбуку, отмечал в своих работах, что на рубеже эр (I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э.) процесс смешения пришельцев и местных племен уже закончился, и в целом этот период можно связывать с уже оформившимися племенами

*Антропоморфное
культовое
изображение*

обских угров, наследие которых дошло до нас в их памятниках: городище Ус-Толг, расположенное близ селения Карым (Харом-Павыл) в среднем течении реки Юконды, Слобцовское городище на Андреевском озере близ Тюмени и другие.

Позднее, в V–VI веках для местных племен характерной чертой является расцвет фигурного бронзового литья – это находки с реки Конды, реки Северной Сосьвы. Прекрасно выполненные глиняные антропоморфные фигурки с тщательно прорисованным орнаментом получили широкое распространение в лесной зоне Приобья. Однако, к концу I тысячелетия

н.э., искусство литья из бронзы постепенно угасло. Литые из бронзы изображения птиц и животных, сменяются лапчатыми и шумящими привесками, характерными для жителей по рекам Каме и Выгегде.

К юго-западу от древнехантыйских племен, памятники которых к концу I тысячелетия нашей эры заняли весьма значительную территорию, археологами выявлена группа памятников предков манси – "вогуличей". Манси жили как по западному, так и по восточному склону Урала: по рекам Вишере, в бассейне Чусовой, по Сосьве, Лозьве, Тагилу и т.д., то есть по левым притокам от Оби до Пышмы. Генетически это были местные племена, ассими-

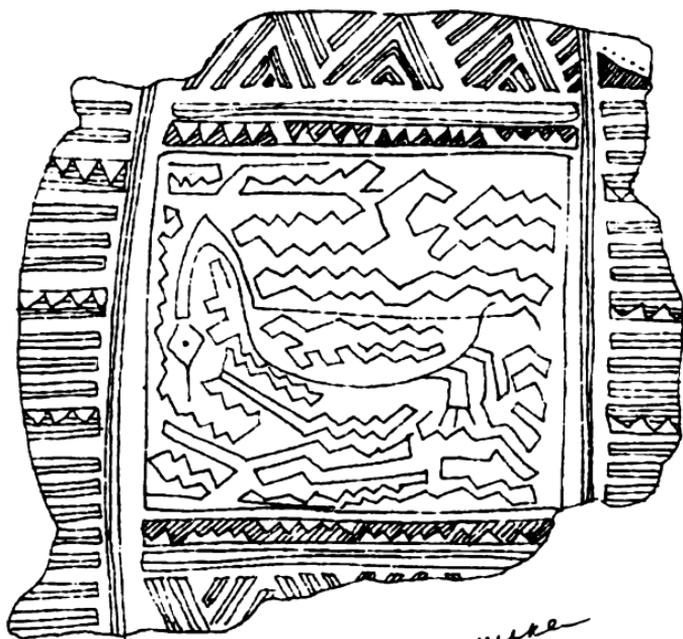
лированные пришлыми угорскими, которые осели на этих землях. У манси преобладало охотничье-рыболовное хозяйство, позднее стало развиваться и оленеводство, заимствованное у северных соседей — ненцев. Знакомы они были с обработкой металла, кости, дерева, кожи. Кроме того знали и земледелие (в основном, южная группа манси). Развитие получила культовая религия — шаманизм. Культ медведя характерен как для манси, так и для хантов. Порой до сих пор можно встретить традиции далекого прошлого у этих народов, о чем ярко свидетельствует сохранившийся праздник Медведя.

К XV веку на берегах Оби складывается союз племен во главе с "большим князем" — Молданом. В состав этого зауральского союза племен входила и часть хантов, которые находились в северном соседстве с манси.

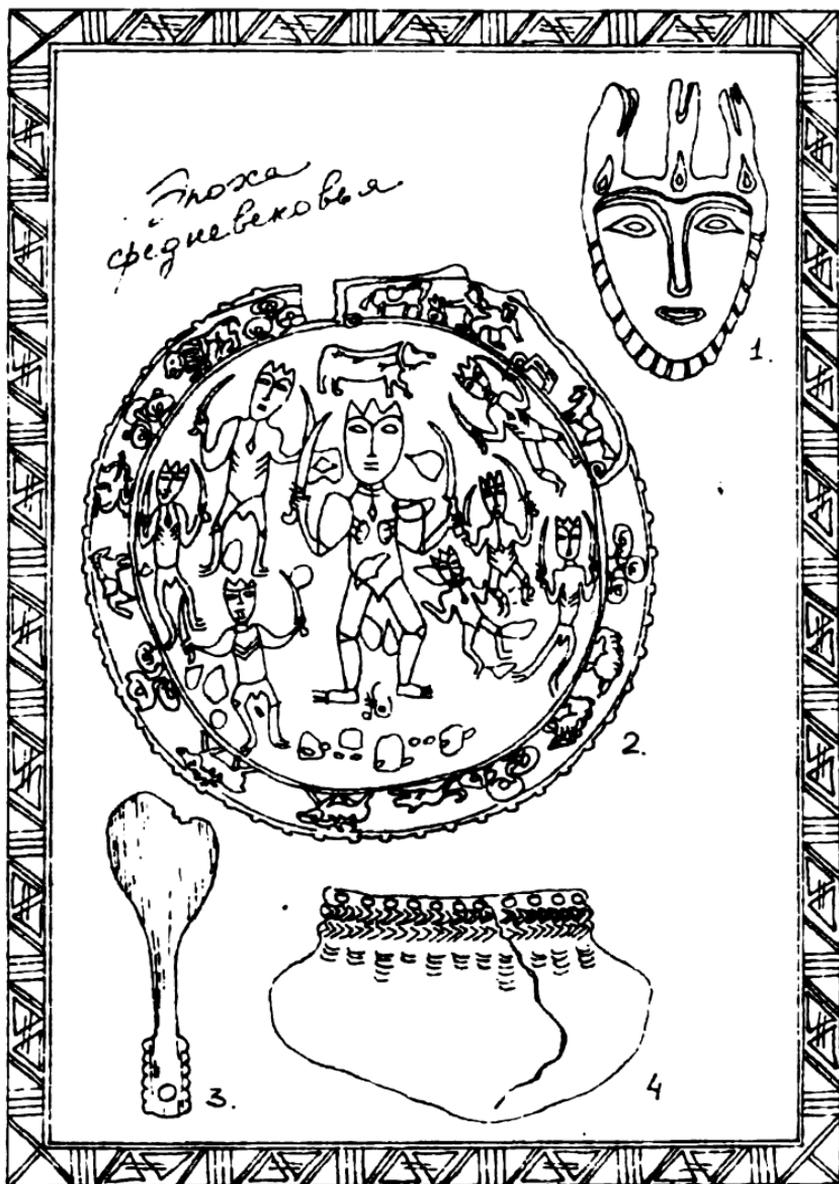
Так в лесном Зауралье по рекам Туре, Тавде, Лозье и их притокам в X-XIII веках расселились предки манси "вогуличи", а в Северном Зауралье, в Сургутском Приобье — предки хантов — "остяки". Накануне Ордынского нашествия, по всей вероятности, происходит проникновение тюркских элементов, и угорское население, расселившись на границе леса и лесостепи, воспринимает тюркскую речь. Именно такая группа населения (многокомпонентная)

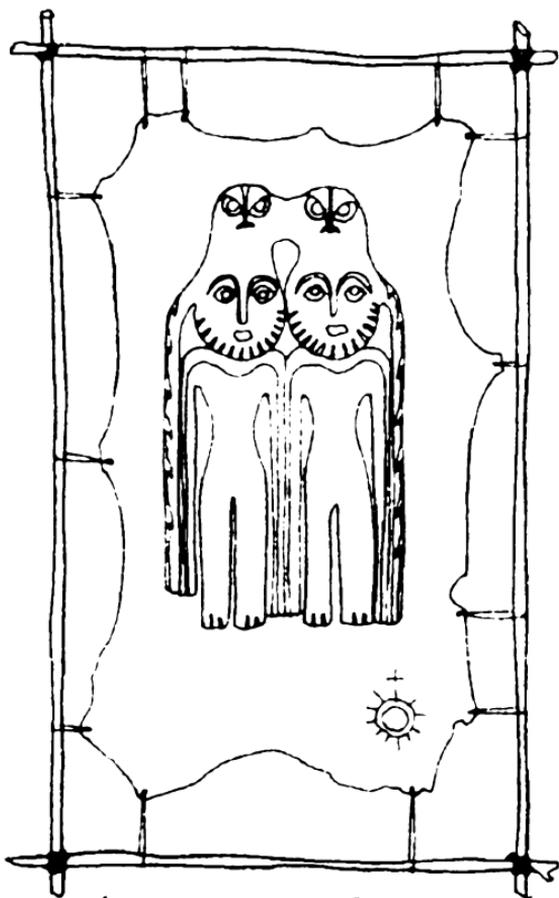
Беремена

на рогах с кривыми
эпохи средневековья

1. Бронзовая антропоморфная фигура с пос. Низамы III, 2. Билото с Кудского го. родка, 3. костяная ложка с пос. Низамы IV, 4. глиняный сосуд.

*Мужские божества
коши*

позже войдет в состав Сибирского ханства и получит название – "сибирские татары". Так к XIV-XV векам в Зауралье (в Тавдинском районе) чувствуется влияние нижнеобской культуры хантов, а южнее (в Туринском районе) – влияние культуры сибирских татар.

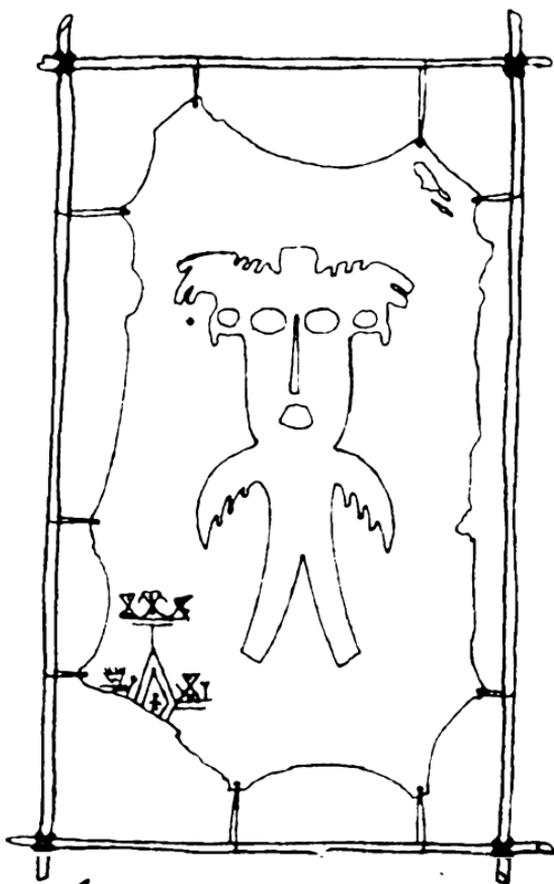
Но вернемся к эпохе средневековья, когда у приуральских и зауральских племен появилось много общего, когда произошло их сближение.

Все началось с исследования одного древнего городища, найденного и изученного свердловскими археологами в 1977-1981 годах на территории Кодского княжества.

Городище располагалось на высоком коренном берегу Оби, на окраине поселка Перегребное, что находится в Октябрьском районе Ханты-Мансийского округа. К началу раскопок сохранилось лишь около трети площадки городища, часть была уничтожена бульдозером, другая часть обрушилась вместе с берегом.

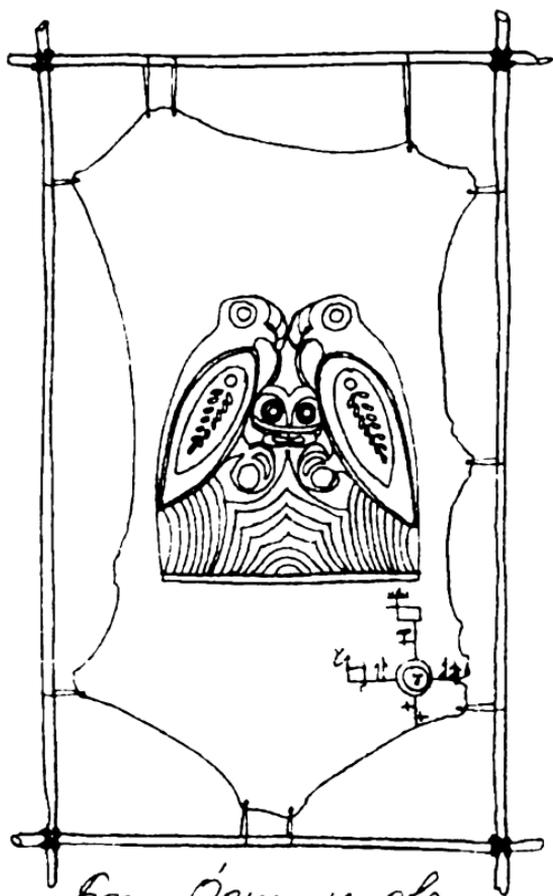
Результаты раскопок оказались поразительными. Полученные материалы выглядели настолько необычно, что озадачили и удивили многих опытных специалистов по древней истории Западной Сибири. Выяснилось, что городище было построено в конце XII – начале XIII столетий переселенцами из Северного Приуралья – древними пермянами. На площадке городища, опоясан-

ной невысоким валом и двумя канавками-рвами, были расчищены остатки типичных для древних коми жилищ. Эти дома были наземными, срубленными из бревен. В них имелись полы из плах на поперечных лагах и массивные очаги из крупных окатанных камней. Очаги располагались на высокой песчаной платформе, а их основания были выложены плотными рядами крупной гальки. По краям очага были окружены стенками из поставленных на ребро плоских крупных камней. Возможно, у очагов были своды из каменных плиток, которые по истечении столетий разрушились. На это указывали многочисленные обломки

*Очаг с птичьими
кормушками*

камней, разбросанные вокруг и наваленные сверху. Все это очень напоминало хорошо известные археологам северорусские печки-каменки. Такие печки были широко распространены и у северных коми. Их называли "горя пач" – каменная печь. До недавнего времени такие печи можно было увидеть в охотничьих избушках коми-зырян. Да и по своей конструкции жилища в Перегребном во многом напоминали эти архаичные постройки коми охотников: сруб ставился прямо на землю, гвозди не использовались, пол – из расколотых плах и т.д. Совпадали даже размеры древних жилищ и охотничьих избушек, равно как очагов и печей-каменок. Принадлежность городища Перегребное древним коми

*Вос Одни и две
ворона*

подтверждалась находками типичной для них глиняной посуды – керамики, характерными бронзовыми украшениями и множеством костей домашних животных (крупного и мелкого рогатого скота и лошади). Как известно, северные коми вели комплексное хозяйство, в котором органично сочетались присваивающие формы – охота и рыболовство – и производящие – земледелие и скотоводство.

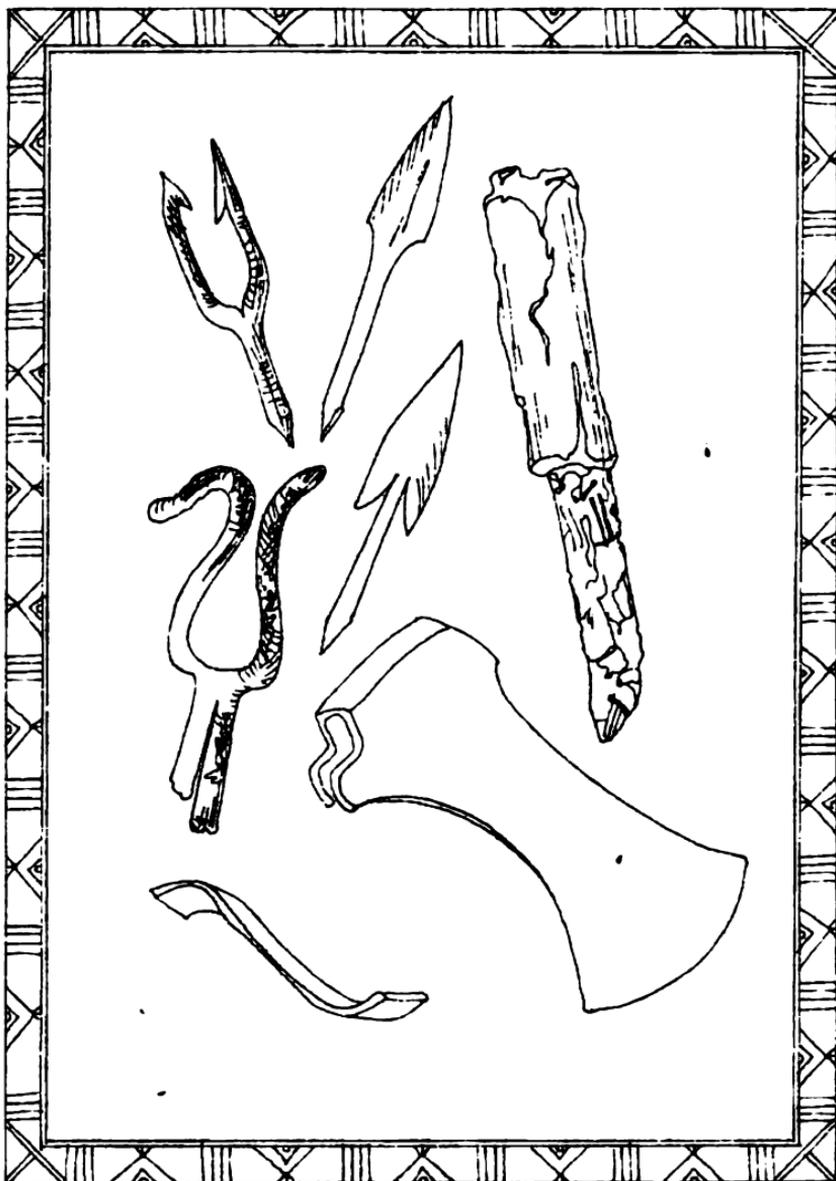
Остальные находки в основном были древнерусского и болгарского (Волжская Булгария) происхождения: стеклянные разноцветные бусины, железный новгородский замок, массивные серебряные перстни со щитками,

орнаментированными красивыми плетеными узорами.

Следует отметить, что жители городища активно занимались охотой на пушных зверьков, изготавливали в большом количестве бронзовые украшения, железные ножи и наконечники стрел. Очевидно, эти изделия шли в обмен на шкурки, которые приносили местные племена предков ханты и манси. Стоит ли говорить о том, что пушнина была ценным товаром в торговле с европейскими (древнерусскими, болгарскими) купцами!

Городище Перегребное просуществовало недолго, не более нескольких десятков лет. Об этом свидетельствует небольшая толщина культурного слоя. Обилие самых разнообразных находок на

Шоха аронниковая
Соб. Усть-Каме I
Узгеня из мезза.

городище говорит о том, что жизнь на нем кипела буквально до последнего момента. После внезапного пожара, уничтожившего все постройки, городище погребло, и население покинуло его навсегда. Что послужило причиной гибели городища – стихия, неосторожное обращение с огнем или намеренное сожжение внезапно напавшими врагами? Трудно дать однозначный ответ. Следует также добавить, что на городище были обнаружены два погребения, совершенных по обряду трупосожжения, характерному для древних коми. Похоже, что после пожара часть (или все) жителей спаслась и похоронила погибших соплеменников.

Появление укрепленного поселения древних коми на Оби, за тысячу километров от их родины – факт неожиданный и не вполне объяснимый. Что это – единичный, случайный эпизод в жизни нижнеобского края или..?

Южнее городища Перегребное, в нескольких десятках километров от него, археологи из Свердловска начали в 1979 году исследование Шеркалинского городища. Выяснилось, что в нем, начиная с XIII века, тоже жили древние пермяне – выходцы с Вычегды или верховьев Камы.

О существовании городища в устье реки Шеркалки – правого притока Оби – было известно еще во второй половине XIX века. В 1894 году "Тобольские губернские ведомости" сообщали о том, что в месте впадения в Обь ручья Шап-вош-чар (второе название реки Шеркалки) находится древнее городище, известное у остяков как священное место. Коренные жители называют его Три брата. С Оби городище выглядит как цепочка из трех высоких холмов, разделенных глубокими рвами и вдающихся в устье Шеркалки.

Жители старинного обского поселка Шеркалы, расположенного на противоположном берегу Шеркалки, давно обратили внимание на обилие разнообразных диковинных вещиц, вымываемых водой из подножия холмов. Любопытные ребята коллекционировали бронзовые бляшки, фигурки зверей и другие необычные предметы.

Раскопки, проводимые Уральской археологической экспедицией в течение трех сезонов, показали, что все три холма представляют собой своеобразный "слоеный пирог" из остатков древних сооружений различных эпох, начиная с неолита. Последними обитателями двух ближних к устью Шеркалки площадок городища

(холмов) были древние коми. Судя по материалам раскопок, городище существовало довольно длительное время и погибло в результате сильного пожара. После гибели поселения жизнь на нем не возобновилась, но вплоть до начала XX века на этом месте было святилище, где местное население совершало языческие обряды, связанные с культом предков. Эти празднества сопровождались кровавыми жертвоприношениями: на обугленных руинах городища были обнаружены нижняя челюсть человека, кости лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, медведя и пушных зверьков. В верхнем слое святилища были найдены российские монеты XVIII – начала XX веков, обломки русских горшков того же времени.

Материалы археологических исследований двух нижнеобских городищ, принадлежавших древним коми переселенцам XII-XIV веков, являются весомым доказательством очень раннего освоения коми Зауралья и Северо-Западной Сибири. С появлением этих данных перед исследователями закономерно встали новые вопросы. Насколько длительным и мощным было переселение? Каковы причины, побудившие переселенцев покинуть обжитые края, оставить соплеменников, бросить могилы предков и святые языческие капища? Наконец, какими были их взаимоотношения с обским угорским населением и как сложилась их дальнейшая судьба?

Для ответа на эти вопросы необходимы новые археологические поиски и исследования. Но и их все же недостаточно. Огромную помощь в этом деле могут оказать данные других наук: этнографии, фольклористики, топонимики и лингвистики.

В начале нашего тысячелетия в Северном Приуралье, на территории, где проживала пермь вычегодская, резко увеличилась плотность населения. Это было вызвано естественным приростом местного населения и появлением значительного числа иноплеменных пришельцев. С юга вычегодских пермян потеснили родственные им камские пермяне (предки коми-пермяков), а с запада постепенно просачивались северорусские крестьяне, которые селились вместе с вычегодцами. Вероятно, и тех и других переселенцев гнали нужда и голод, вызванные неурожайными годами наступавшего малого ледникового периода.

Очевидно, наступление небывалых холодов в Европе послужило толчком к пушному буму, охватившему многие европейские страны в начале II тысячелетия н.э. "Мягкое золото" северных

приуральских лесов издавна славилось далеко за пределами края. Многие коми охотники начали специализироваться на пушной охоте. Это приводило к оскудению местных охотничьих угодий, и добытки пушнины уходили все дальше на север и восток.

Резервные территории были исчерпаны быстро. Поэтому охотники обратили свои взоры на восток, за Каменный пояс, где в бескрайних лесах водилось изрядное количество ценных зверьков. Никто не знает точно, когда были проложены первые охотничьи тропы за Камень, но, надо полагать, это случилось не позднее XI века, когда состоялись первые известные нам из летописей походы новгородцев в Югру. К тому времени коми уже хорошо знали тайные тропы в нижнеобскую тайгу.

Жившие испокон веков по соседству предки нынешних коми-зырян, манси и ханты постоянно общались друг с другом. Их контакты выражались в торговле, брачных связях. Случались между ними и военные столкновения. Переселение за Урал отдельных групп вычегодских пермян, естественно, сделало эти контакты более тесными. В результате происходило взаимообогащение культур соседних народов. Ханты и манси перенимали у коми полезные для себя достижения их традиционной культуры. Следы многих заимствований сохранились до наших дней в языке ханты и манси. Ученые насчитали около четырехсот таких заимствований, причем отмечено, что значительная часть слов коми происхождения попала в языки ханты и манси в ранний период – с X по XV века. Среди заимствованных коми слов встречаются, например, такие, как *нянь* (хлеб), *лузан* (охотничья накидка), *саранхон* (зырянская лодка), *кола* (срубная избушка) и т.д.

Древние городища коми на Оби связаны с коми названиями, что даст основания ожидать, что и остальные названия поселков, оканчивающиеся на *-кар*, появились вместе с их основателями – коми – в XII-XVI веках. Почему не позднее этого времени? Дело в том, что более поздние поселки коми в Западной Сибири и на Алтае назывались уже иначе – по фамилиям и прозвищам их основателей или по национальной принадлежности: Гилева, Тарабукина, Колегова, Паршукова, Зырянка, Пермитина, Вычегжанина и т.д.

Если посмотреть на карту Зауралья, то нельзя не обратить внимание на то, что наиболее плотное скопление поселков с названиями, оканчивающимися на *-кар*, находится на Оби, чуть выше

того места, где Обь разделяется на Малую, или Горную и Большую. Именно здесь находилось в XV-XVII веках, пожалуй, наиболее крупное и сильное хантыйское княжество – Кодское. В русских документах XVII столетия перечислены двенадцать главных городков этого княжества. Из них половина имеет названия, которые заканчиваются на *-кар*: Шоркар, Нангакар, Карымкар, Нарыкар, Вонжакар, Вежакар. Названия еще четырех городков тоже можно перевести с коми языка, а два – Малый и Большой Атым – известны нам по преданиям, – туда ушел от Стефана Пермского неисправимый язычник Пам со своим родом. Не исключено, что пам шел именно в эти места, так как там уже жили его соплеменники-переселенцы.

Следует сказать и о названии самого княжества и его центра – Кода или Куда, как оно именуется в XV веке в русских летописях и документах. Для расшифровки этого непонятного названия вновь пришлось обратиться к коми эпосу. Центральное место в нем занимает древний богатырь-прародитель пермян Кудым-Ош, который был женат на мансийской (!) княжне. В молодости Кудым-Ош звался просто Ош (медведь). Когда умер старый чудский пам (вождь), соплеменники выбрали памом Оша, после чего тот повел своих людей на реку Куд, где построил крепость, названную Куд дым кар, т.е. "город на реке Куд", а молодого пама стали называть Кудым-Ош.

Известно, что коми-зыряне и коми-пермяки, обживая новые места, давали рекам и населенным пунктам привычные им названия со своей прежней родины. Вероятно, и название Кода (Куда) принесли на Обь древние коми переселенцы, приходившие сюда целыми родами (вспомним предание о Паме), а с течением времени постепенно утратившие этническое самосознание и вошедшие в состав нижнеобских ханты. Ведь уже в XVI-XVII веках русские и коми-зыряне называли жителей Кодского княжества остяками. Впрочем приведенная нами гипотеза о зырянских корнях названия Коды не единственная. Есть объяснение его происхождения и из языка ханты, связанное с географическим положением Коды, которое было весьма выгодным, находясь на главной магистрали Урала и Западной Сибири – Оби, в самом центре угорских земель. Возможно, со "срединостью" княжества и связана этимология самого названия Кода (Куда) как производного от хантыйских слов *кутлот* – "середина", *кут*, *кутон* – "средний", *кутн* – "между, среди".

Сейчас нельзя точно охарактеризовать ранние этапы переселения коми в Западную Сибирь, но можно предположить, что миграция древних коми за Урал происходила практически беспрерывно в течение нескольких веков. В отдельные периоды поток переселенцев усиливался (при насильственной христианизации, обострениях социально-экономической и (или) экологической обстановки в Северном Приуралье) или ослаблялся. Вновь пришедшие группы пермян постепенно ассимилировались обскими уграми. Возможно, часть из них погибала в ходе военных столкновений (вспомним обугленные руины городищ Перегребное и Шеркалы). Не исключено, что отдельным группам переселенцев, особенно тем, которые попали в Сибирь в XV-XVI веках, удалось сохранить в обской тайге островки своей национальной культуры до прихода русских. На этот счет имеются письменные свидетельства государевых служилых людей, доносивших начальству в конце XVI – начале XVII веков о том, что они встречали в тайге "самовольные" городки-зимовья зырян-промышленников. Некоторые исследователи считают, что такими "зырянскими городками" были Уркар и Войкар на Оби.

Проникновение древних пермян за Урал нашло отражение и в мансийском фольклоре. Ученым удалось записать у северных манси ряд исторических легенд. В одной из них, рассказанной манси П.И.Шешкиным, манси и ханты произошли от Мось-ыз (Женщины Мось), Пор-ыз (Женщины Пор) и Мис-махум (Коровьего народа). Мис-махум пришли на Обь позже всех. Они жили где-то на Северной Двине и Печоре. Это были русые, рыжие и черноволосые люди с бородами, серыми, карими и черными глазами. Занимались они скотоводством и земледелием, лишь на севере – оленеводством. По культуре они были очень похожи на Мось-ыз, но отличались от всех языком. Они ходили торговать на Волгу, откуда привозили шелк, шлемы, щиты и стрелы. Теперь их уже нет. Все они стали манси и ханты.

В этой легенде отразилось мирное переселение какого-то населения из Северного Приуралья на Обь. Судя по подробному описанию, это, несомненно, были предки коми-зырян. Время их переселения в легенде не указано, но перечисленные товары, которые они привозили с Волги, а именно: шлемы, щиты, стрелы – свидетельствуют о том, что это происходило до XV-XVI веков, т.е. речь идет о раннем периоде освоения Зауралья и Сибири предка-

ми коми. Это освоение происходило мирным путем и завершилось ассимиляцией пришельцев местным населением: ханты и манси.

А что до местного населения, то впервые о вогуличах упомянул в "Житии Стефана Пермского", созданном в 1396-1397 годах знаменитый древнерусский писатель Епифаний Премудрый. И хотя названы они у него отдельно от югричей, общее племенное наименование Югра или Угра уже тогда, судя по всему, объединяло как вогулов (манси), живших на обоих склонах Урала, так и остяков (ханты), населявших Нижнее Приобье. В середине XV века в бассейне рек Тавды и Конды и на их притоках располагалось вогульское Пелымское княжество, являвшее собой достаточно сильное раннефеодальное образование. В 1484 году впервые в русских летописях, наряду с Югорской землей, были названы как вполне самостоятельные уже вышеупомянутые нами Кодская земля и кодские князья. Кроме того в летописях имеются сведения и о других княжествах, расположенных далеко от Московии на восток. В частности Вологодско-Пермская летопись сообщает о полах с Оби, которые прибыли "с поминки великими от князей Кодских, от Лаба да от Чангила, и от всея земли Кодские и Югорские, да били челом о полоненых князех о Молдане с товарищи, чтоб государь смиловался, отпустил бы их в свою землю".

Однако следует заметить, что из процитированного выше текста летописи не совсем ясно, что означают слова Лаб и Чангил – имена кодских князей или названия местностей. В научной литературе обычно дается первое толкование. Между тем есть основания усомниться. Так, в "шертной" записи 1484 года, Лаб, более правильно названный здесь Лябом, скорее напоминает название княжества, находившегося по соседству с Обдором – остяцким раннегосударственным образованием в устье Оби. Это наводит на мысль, что речь в данном случае идет об остяцко-вогульском объединении, называвшемся в XVI веке Ляпинским княжеством и располагавшемся в бассейне рек Сылвы, Северной Сосьвы и Куновати – правого притока Оби. Его название, судя по всему, произошло от названия реки, именуемой русскими Ляпиной (по-вогульски – Лопынг-сойм, по-зырянски – Сыгва), и стоявшего на ней Ляпина городка (по-вогульски – Лопынг-уш или Лопомвожпауль; ныне село Ломбовожское). При этом нет необходимости говорить, что объяснение происхождения этих названий от имени новгородского воеводы XIV века Степана Ляпы, основанное на

позднем предании, не выдерживает никакой критики. Что же касается Чангила, то это, очевидно, также не имя князя, а название остяцкого княжества, располагавшегося в низовьях Иртыша. Позднее, во времена Ермака, здесь были так называемые Цингальские юрты. В этих местах находится древнее Цингальское городище, которое можно отождествлять с городком Тапар-вош, известным по многим хантыйским сказаниям. А ближайшим соседом остяко-вогульских княжеств явилось довольно сильное Сибирское ханство, о судьбе которого рассказано в следующем очерке.

ЗАГАДКИ СТОЛИЦЫ СИБИРСКОГО ЮРТА*

Год за годом волны полноводного Иртыша с тихим плеском подтачивают высокий берег и уносят с собой – горсть за горстью – землю, на которой некогда стояла столица древнего "Сибирского царства" – город Искер, упоминавшийся в русских летописях как Старая Сибирь или Кашлык. Бесследно исчезали остатки жилищ и укреплений. Пара-другая десятков метров в длину и лишь десяток в ширину – вот и все, что сохранилось от древней твердыни. Увы, теперь уже невозможно восстановить первоначальный план Искера; нет его и ни в одной из известных нам летописей. Искер, Кашлык... В наши дни жители иртышских берегов называют то, что еще не успела унести река, попросту Кучумовым городищем. По праву ли?

В самом деле, многое здесь связано (вернее – было связано) с именем "последнего царя" Кучума. Давайте же, приоткроем завесу далеких лет...

Начало XV века. От постаревшей, раздираемой противоречиями Золотой Орды отделилось огромное Сибирское ханство, объединившее разрозненные группы тюркоязычных насельников, живших к востоку от Уральского хребта в лесостепной и степной полосе. С начала существования ханства его устои подрывала постоянная ожесточенная борьба татарских княжат за власть. Шли годы. Наконец, в 1563 году в столице Сибирского юрта произошли заметные события. Их эхо донесла до нас Краткая Сибирская (Кунгурская) летопись: "Царь Кучюмъ приде от Казачьи орды со многими вои и иобивъ царя и князя и Етигера и Бекбулати, и прославишася сибирский царь, и дани со многихъ низовыхъ языкъ взяша и городки свои распростириша со многимъ мствомъ названными своими владша". И вот уже на протяжении десятков верст по правой, нагорной части Иртыша раскинулись улусы властителя Сибири Кучума, его сыновей и жен, каждая из которых имела собственную резиденцию: первая ханская жена, дочь мурзы Дев-

* *Сибирский юрт* – это обширное территориально-политическое образование, сложившееся на территории Урала и Западной Сибири к концу XIV века.

лет бая, поселилась на Панином бугре, там же, где жил ее отец; вторая жена, красавица Сусге, облюбовала высокую сопку Сузгун шестью верстами ниже Тобольска. Так и появились Бицик-тура и Сузга-тура. Сам же хан расположился на высоком мысу, что образовался при впадении речки Сибирки в Иртыш. Этот-то городок-крепость и назывался Искером (по одной из версий, название происходит от тюркских слов "иски" – древний, "ерь" – земля). Древней земле Искера суждено было стать резиденцией потомка Чингисхана – Кучума, представителя ханской династии Шейбанидов. Городок стал столицей всего обширного Сибирского ханства. Так, значит, и впрямь – Кучумово городище?

Не совсем так, ибо история Искера началась задолго до Кучума, куда раньше, чем появилось Сибирское ханство.

Первые сведения об этом поселении мы находим у арабских писателей XIII–XIV веков. (Рашид-ад-дин и др.), позднее – в Сибирской, Ремезовской, Строгановской летописях, а также в делах Сибирского приказа, относящихся к 20-м годам XVII века.

По утверждению арабских источников, Искер как древнее остяцкое селение было известно в XI–XII веках. Этот факт подкрепляется и находками современных археологических раскопок. В это время собственно Сибирского юрта еще не существовало. Но вот на юго-востоке взошла звезда воинственного Чингиса, и ее холодный блеск пронизал столетия. В 1238 году возникло государство Шейбанидов – восточный улус могущественной Золотой Орды. Шейбаниды – потомки Шыбана, пятого сына Джучи-хана. Поначалу их владения тянулись к северу от Аральского моря до среднего течения Тобола. Затем территория Сибирского юрта становится составной частью Джучидского государства. И лишь в конце XIV столетия Сибирское ханство начинает подлинное существование под властью Шейбанидов. Именно в это время их владение разделилось (видно, настал черед) на ряд улусов, которые находились под властью единого хана. В конце XIV века на реке Туре обосновался Ибрахим ибн Пулад-хан, которому подчинялись земли Среднего Зауралья и Западной Сибири (до Северной Сосвы); в начале XV века северные территории отошли к его наследнику Даулат Шайху, а затем к Абу-л-Хайру Убайдаллаху I. Он-то в середине XV века и стал верховным ханом Шейбанидов.

Возглавив Шейбанидское государство, Абу-л-Хайр с большим войском двинулся в манившую его Среднюю Азию, где династия

ورود Кавказа
 Рязанская летопись

преуспела – как следствие, столицу перенесли из Туры на одноименной реке в более приветливые земли, сначала в Сыгпак на Сыр-Дарье, позднее – в Самарканд и Бухару. Уходя в поход, честолюбивый Абу-л-Хайр оставил северную часть своих владений родственнику – Махмуд-хану ибн Хаджи Мухаммаду.

Ну, а что же иртышский городок Искер? Когда стала дряхлеть Золотая Орда, сибирские татары обосновались по берегам Ишима, точнее, в его устье, где находилась их столица – Кызыл-Тура. Правителем усть-ишимских земель был хан Кызыл-Тын, основатель династии Тайбугинов. Годы текли, как желтая вода Тобола; в Кызыл-Туре хан сменял хана, и вот, наконец, очередной Тайбугин-Он-Сон (Бик-Конды-Оглан) расширил свои владения к северу, подчинив себе вогулов и остяков, живших по Туре и Нижнему Иртышу. Он-Сону приглянулось место на правом берегу Иртыша, где уже проживали туземцы, – нетрудно догадаться, что это был Искер. Таким образом, Он-Сон – первый татарский хан, поселившийся по Иртышу, и произошло это в первой половине XIV века. После Он-Сона здесь правил его сын Иртышак.

При первых татарских правителях Искер переживал пору расцвета. Кунгурская летопись хранит почтительную оценку могущества Иртышака: "Иртыш река конца не имеет, то и его царство бесконечно". А Иван Шильтбергер, странствовавший по Сибири и Северной Азии целых три года (с 1394 по 1427), в своем перечне городов Великой Татарии упомянул и Искер. Но царствованию Иртышака был положен конец – если не в пространственном, то хотя бы во временном измерении. В середине XIV века бек Чинги убил хозяина Искера, захватил его земли, но, в страхе перед местью сторонников Иртышака, перенес столицу с Иртыша на Туру, в город Чинги-Тура (в будущем – Тюмень). Искер же пришел в запустение. И опять потекли годы, похожие друг на друга, хотя кое-что менялось в жизни Искера. Земли Он-Сона спустя некоторое время были отняты у тюменских ханов казанскими, и отныне дань, собираемая на берегах Иртыша, увозилась на далекую Волгу, а упадок Искера продолжался.

Пришла пора нам вспомнить о Шейбанидах. Их северные владения после ухода Абу-л-Хайра на юг отошли к Махмуд-хану, которому наследовал его младший брат – Сайдек Ибак Ибрахимхан, один из деятелей смуты, последовавшей после кончины

Абул-Хайра, мало того – глава Шейбанидского государства с 1470 года и участник разгрома Большой Орды в 1481-м.

В это время предприимчивый потомок Чинги, убийцы Иртышака, Мухамет (Махмет) объединил татарские улусы по Тоболу и Среднему Иртышу, а затем поставил перед собой задачу – освободиться от унижительной зависимости от Казани, от Шейбанидов и вообще от кого бы то ни было. (Сам Махмет происходил из рода Тайбугинов и имел повод обижаться на злокозненных противников – его отец Обдер (Адерили) в свое время был коварно умерщвлен). С этой задачей он справился, убив в 1495 году высоко вознесшегося хана Ибака; Сибирское ханство фактически стало независимым.

Опасаясь происков Казанского ханства и беспокойных соседей-ногайцев, Махмет-хан переселился из Чинги-Туры на Иртыш, подальше от недругов – в Искер. Круг замкнулся. Искер вновь стал столицей татарской Сибири, а деятельному Махмету удалось установить свою власть над татарскими улусами Нижнего Иртыша, заодно подчинив часть остяцких племен. Так, начиная с Махмета, установилась местная династия. Сибирским ханством стали вместо Шейбанидов править Тайбугины, владычество которых длилось с 1495 по 1563 год. Собственно, похозяничать в Искере после Махмета успели лишь его сын Казый (Касим) и внуки, Едигер и Бек-Булат. Последние, кстати, управляли ханством совместно. Одной из главных целей Тайбугинов оставалось сохранение независимости от мстительных Шейбанидов, потому-то в 1556 году Едигер принял русское подданство и два года подряд высылал Ивану IV Грозному дань по тысяче соболей.

Но русский царь, победитель Казанского и Астраханского ханства, все-таки был далеко – по крайней мере, пока. Две тысячи соболей не спасли Тайбугинов, зато разъярили Шейбанидов. В 1563 году на Иртыше объявился хан Кучум с большим войском. Он овладел Искером; Едигер и Бек-Булат погибли в битве, а сын Бек-Булата Сеид-Ахмат (Сейдек), малолетний Тайбугин, был увезен в Бухару. Прочие родственники убитых тайбугинских ханов были истреблены. Кучум, усмирив воспротивившихся было чинга-туринских мурз и мятежных князьков, чьи владения Тайбугины включили в состав ханства, стал полновластным хозяином сибирских земель.

За спиной Кучума маячила фигура большего масштаба – верховный хан Шейбанидов Абдаллах II. Кучум воцарялся в Сибири, опираясь на его поддержку и на отряды ногайцев; Шейбани-

ды, как им казалось, ликвидировали независимость Сибири, вновь установив контроль над утерянным было северным улусом, и приступили к исламизации населения Сибирского юрта.

Итак, Кучум, Муртазаев сын, мог праздновать победу. Его ханство состояло из мелких улусов, возглавлявшихся беками (князьями) или мурзами, которые находились в той или иной степени зависимости от верховного правителя. Двадцать лет просидел Кучум в Искере, но наивно полагать, что эти годы были прожиты сибирским ханом бесхлопотно. По улусам разъезжали ханские ясаулы, собиравшие дань. Тень Кучума падала все дальше и дальше на восток от Иртыша – под влияние Искера попадали не только остяки и вогулы, но и народы, жившие в бассейнах рек Омь и Тара, в Барабинской степи и еще восточнее – вплоть до великой Оби. Но некоторые из этих племен являлись не столько зависимыми от Кучума, сколько числились среди его союзников, причем не очень надежных. Особенно прибавилось у хана забот к началу 80-х годов XVI века. С юга подступали ногайцы, на западе росла русская угроза, на севере постоянно волновались вогулы.

Особенно тревожной выдалась осень 1582 года. Как повествует Строгановская летопись, в ночь на 26 октября Кучум, боясь оказаться захваченным Ермаком, бежал из своей столицы вместе с родственниками и мурзами, прихватив ценное имущество и скот. А наутро в притихшую ставку сибирского хана вступил отряд Ермака. Укрепившись в Искере, Ермак совершил ряд походов, покоряя соседние области. Люди Кучума отступили вверх по Иртышу и зорко следили за действиями русских. Им удалось выманить Ермака из Искера, пустив ложный слух о том, что Кучум задержал в ишимских степях богатый караван, шедший из Бухары в Искер. После знаменитых событий 6 августа 1584 года и гибели Ермака, описанных Есиповской летописью, та часть отряда атамана, которая находилась в Искере, ушла из города: "Русские убоялися жиги во граде... бежавше, градъ же Сибирь оставиша пустъ".

Но место у впадения Сибирки в Иртыш, как мы убедились, пусто пока не бывало. И после ухода русских Искер занимает сын Кучума – Алей. Вскоре Алея изгоняет Сейдек из династии Тайбугинов, но и ему не довелось задержаться здесь надолго – русский воевода Чулков хитростью зазвал Тайбугина к себе и переправил в Москву. Оставшись без предводителя, татары покинули Искер. Город по-настоящему опустел. И, как оказалось, навсегда. Ни остяки, ни татары, ни

русские больше здесь не селились; жизнь поселения оборвалась. Так умер Искер, переживший на своем веку и взлеты и падения.

Кучум же продолжал сопротивляться русскому проникновению до самой своей гибели в 1598 году. Русская речь в краю сосен и кедров слышалась все чаще, звучала все уверенней. Шейбанид Абдаллах II не помог своему ставленнику, будучи занят войнами на знойном юге, в Кашгарии и Иране. А в 1599 году и Шейбанидская держава терпит крушение. Шейбаниды фактически перестали претендовать на свои бывшие владения (разве что внук Кучума Девлет-Гирей в 30-е годы XVII века тревожил русских набегами), от некогда грозного государства осталось лишь Хивинское ханство, да и там потомки Шейбана продержались только до конца XVII века.

Тем временем русские широко развернули в Западной Сибири строительство укрепленных городков – острогов, где они чувствовали себя уверенно в этих угрюмых лесах. Недалеко от Искера они zaloжили городок Тобольский – но это уже совсем другая история...

Более четырех столетий минуло с того момента, когда пал с приходом русских Искер. Что же оставило нам время? Увы, совсем немного.

В девятнадцати километрах юго-восточнее Тобольска на обрывистом правом берегу Иртыша находится – пока еще! – оставшаяся часть Кучумова городища. К сожалению, никаких описаний Искера во времена существования там татарского укрепления и поселения не сохранилось. Спустя 94 года после покорения Сибири царский посол в Китае Николай Спафарий побывал в этих местах. Вот каким он увидел Искер: "И от села Абалак недалеко, версты с две, течет речка малая, именем Сибирка, и часть что от той речки и царство Сибирское именовано, для того, что близ речки лежит пустой городок и шанцы Кучума царя... и место то самое крепкое: остров есть, однако ныне лежит пусто, только тобольские татары для воспоминания нечистые их веры... и ныне обновляют мечеть, в которой по их нечистой вере приходящие действуют".

После Спафария Искер посетили такие исследователи, как П.А.Словцов, Г.Ф.Миллер. Известны работы М.С.Знаменского, В.Н.Пигнатти (археологические изыскания последнего относятся к 1915 году). Всех их объединяла убежденность в том, что в скором времени "от площадки исторического памятника не останется и пяди земли..."

В конце 60-х годов нашего века здесь работала археологическая экспедиция Уральского университета под руководством автора этих строк; исследования уральцев подтвердили обоснованность опасений предшественников – территория Искера таяла буквально на глазах. С той поры организованные раскопки столицы исчезнувшего ханства больше не велись; время и воды точат иртышский берег, и Искер продолжает интенсивно разрушаться. У подножия мыса и в наши дни можно найти кости животных, кусочки глиняной обмазки, кирпича и прочего строительного материала эпохи Сибирского ханства и более ранних времен.

А если, ознакомившись с письменными источниками и археологическими материалами, дать – в известных, конечно, пределах – волю воображению? Что мы увидим на мысу тогда?

Мы, скорее всего, увидим небольшой, зато хорошо укрепленный городок, занимающий очень выгодное положение на высоком и крутом мысу и имеющий капитальные оборонительные сооружения – тройные рвы и валы – лишь в наиболее уязвимой юго-западной части. Посмотрим внимательнее: по скату рва, во всю длину крепости тянется окруженная палисадом площадка. Отсюда осажденные забрасывали противника градом стрел, копий и камней. Здесь же, вероятно, находились и мастерские, обслуживающие крепость во время осады. К слову: упоминания о мастерских действительно имеются в письменных источниках, но лишь упоминания, не более того. Автору же посчастливилось обнаружить комплекс: предположительно связанный непосредственно с металлургическим процессом. Правда, завал слишком сильно разрушен, реконструировать комплекс невозможно, но прокаленные пятна, обломки промазки, шлаки, уголь, куски крицы и железа, льячка для разлива металла, берестяная сумка для переноса руды – весомые доводы в пользу существования в Искере металлургического производства. Остатки пода печи, к сожалению, сохранились только в виде прокаленного красного пятна, вокруг которого свалены уголь, шлак, обмазка. Видимо, печь была глинобитной или же древние железных дел мастера устроили ее в яме.

Значит, если еще немного дать волю нашему воображению, мы вполне можем увидеть закопченных металлургов, выделявавших для Искера оружие и орудия, а неподалеку – гончаров и даже ювелиров, а еще дальше, в лесу и на реке, – жителей города, промышлявших охотой и рыбной ловлей.

Население Искера было немногочисленным. Хан держал при себе лишь приближенных, прислугу и стражу; даже своих жен он не считал возможным поселить в Искере – они жили в близлежащих улусах. Была поблизости, по свидетельству Спафария, и мечеть. Кроме ханской челяди, в городе, как мы только что видели, проживало ограниченное число ремесленников – не больше, чем того требовала необходимость. Они строили свои жилища из дерева или сырцового кирпича; тут же, внутри этих скромных построек, находились чувалы или печи. Кратковременное присутствие русских едва ли сколько-нибудь отразилось на внешнем виде сибирской столицы...

То ли плеснул щучий хвост, то ли крикнула в чаще птица – но только видение растаяло, как утренний туман, оставив после себя лишь слабо различимую дымку, аромат очарования старых преданий, живущих где-то здесь, на пятидесятиметровом обрывистом мысу.

Однажды В.Н.Пигнатти высказал предположение, что еще до остяцкого поселения на месте Искера существовал чудской городок "с его светловолосыми и голубоглазыми обитателями, историей еще не разгаданными". Чудь – так в древнерусских летописях именуются эсты, финны и родственные им финно-угорские племена. По мнению Пигнатти, "затем вытесненные остяками и вогулами обитатели эти исчезли, и воцарился городок остяцкий".

Исчезли? А если... если они никуда не исчезали, а просто были ассимилированы пришельцами-остяками (хантами), растворились среди них, передав им свою культуру? Не на это ли указывают любопытные находки на месте Искера – чудская керамика и шумящие подвески? Еще одна загадка веков...

Г.Ф.Миллер записал легенду, в которой рассказывается о родстве между остяками и финнами, засвидетельствовал, что около Томска жили остяки, уверявшие, "что они происходят из земли Суомис". Кто знает, не было ли меж ними дальних родственников старухи финки из андерсеновской "Снежной королевы"?

Трудно подстеречь тот момент, когда, шурша, оползет в темную иртышскую воду древняя земля Кучумова городища. Еще труднее проследить движение крупниц этой земли, частью осевших на дно, частью прибывших к чужим берегам, частью подхваченных мощным течением и влекомых в дальние дали сибирских просторов, из Иртыша в Обь и безостановочно на север, чтобы там, в холодных объятиях бескрайнего Ледовитого океана, раствориться навсегда, кануть в небытие вместе с памятью о "преданьях старины глубокой".

Об Авторах

БОГОЯВЛЕНСКИЙ Леонид Сергеевич. Родился 16.VIII.1924 года в селе Васильевка Воронежской области. Журналист, натуралист. С 1936 года проживает на Урале. В 1942 году из средней школы ушел на фронт. В 1952 году окончил Военный педагогический институт Вооруженных Сил СССР, преподавал в высших учебных заведениях. С 1938 года ведет регулярные наблюдения за природой, действительный член Российского орнитологического общества, член Комиссии по охране природы Уральского отделения Российской Академии наук. С 1941 года печатается в газетах и журналах. Этюды, рассказы, очерки об уральской природе публиковались в журнале "Уральский следопыт", в газетах "Вечерний Екатеринбург", "Уральский рабочий" и других изданиях.

АЛЕКСАШЕНКО Наталья Анатольевна. Родилась 2.IX.1947 года в поселке Ис, г. Нижняя Тура Свердловской области в семье горного инженера. Археолог. Живет в городе Заречном Свердловской области. С 1965 по 1969 год училась на историческом факультете Уральского государственного университета им. А.М.Горького. С 1969 по 1970 год работала научным сотрудником Серовского краеведческого музея, а с 1971 по 1986 год – научным сотрудником УрГУ. С 1988 года – научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, кандидат исторических наук.

ГРИГОРЬЕВ Станислав Аркадьевич. Родился 7.VIII.1960 года в селе Буды Ахтырского района Сумской области в семье геологов. Историк. Живет в городе Челябинске. В 1982 году закончил исторический факультет Челябинского государственного университета. С 1982 по 1983 год работал учителем истории и географии в городе Юрюзани Катав-Ивановского района Челябинской области. В 1983 – 1984 годах служил в армии. С 1985 по 1988 год работал в Челябинском государственном университете. С 1988 года – научный сотрудник Южно-Уральского отдела Института истории и археологии УрО РАН, кандидат исторических наук.

ЛЮБЧАНСКИЙ Илья Эдуардович. Родился 18.XII.1964 года в городе Озерске Челябинской области. Историк, археолог. Живет в городе Челябинске. С 1982 по 1989 год учился в Челябинском государственном университете. С 1983 по 1985 год служил в армии. С 1990 года работает преподавателем кафедры археологии и этнографии социоестественной истории ЧГУ.

НИКУЛИНА Майя Петровна. Родилась 09.II.1937 года в городе Свердловске в семье лесного инженера, прекрасно знавшего свой край. Поэт, переводчик, автор научно-популярных трудов по истории Урала. Живет в городе Екатеринбурге. С 1954 по 1956 год училась на геологическом факультете УрГУ. В 1968 году закончила филологический факультет УрГУ. Имеет высшее экономическое образование. С 1970 по 1988 год работала главным библиографом Свердловской областной детской библиотеки, с 1988 по 1992 год – начальником отдела в газете "Наука Урала" Уральского отделения Российской Академии наук. С 1992 года – заместитель главного редактора журнала "Урал". Автор пяти поэтических сборников, историко-краеведческой книги "Прогулки по Екатеринбургу" (совместно с В.П.Лукуяниным).

КОРЯКОВА Людмила Николаевна. Родилась 26.V.1947 года в селе Абатское Тюменской области. Археолог. Живет в городе Екатеринбурге. С 1965 по 1969 год училась на историческом факультете УрГУ. В 1981 году закончила аспирантуру Института археологии Академии наук СССР и защитила кандидатскую диссертацию. В 1993 году защитила докторскую диссертацию в Институте археологии и этнографии Новосибирского отделения Российской академии наук. В настоящее время работает руководителем научного проекта в Институте истории и археологии УрО РАН, доцентом кафедры археологии УрГУ, и научным руководителем Проблемной научно-исследовательской лаборатории УрГУ.

БОТАЛОВ Сергей Геннадьевич. Родился 02.VI.1958 года в селе Федорово Юсьвинского района Пермской области. Историк, археолог. Живет в городе Челябинске. С 1976 по 1981 год учился на историческом факультете Челябинского педагогического института. С 1982 по 1992 год работал научным сотрудником Челябинского государственного университета. С 1992 года – научный сотрудник Южно-Уральского отдела Института истории и археологии УрО РАН. С этого же года возглавляет Археологическое научно-производственное предприятие Челябинского Фонда культуры. С 1995 года работает заведующим кафедрой музееведения Челябинского Колледжа культуры. В 1994 году защитил кандидатскую диссертацию по теме "Эпоха Средневековья Урало-Ишимского междуречья II – XIV вв".

МОРОЗОВ Вячеслав Михайлович. Родился 1.VI.1947 года в деревне Ершово Верхнекамского района Кировской области. Археолог. Живет в городе Екатеринбурге. С 1969 по 1974 год учился на историческом факультете УрГУ. С 1974 года работает научным сотрудником Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории УрГУ. С 1987 года – старший научный сотрудник этой же лаборатории, кандидат исторических наук.

ОВЧИННИКОВА Бронислава Борисовна. Родилась 20.X.1941 года в городе Свердловске. Историк, археолог. С 1961 по 1966 год училась на историческом факультете УрГУ. С 1967 года работает в УрГУ. В 1983 году закончила аспирантуру Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова. В 1984 году защитила кандидатскую диссертацию. В 1985 году получила звание доцента, а в 1993 году – звание профессора. В 1995 году удостоена звания почетного члена Ученого Совета Международного Биографического Центра в Кембридже, а в 1996 – диплома академика Академии гуманитарных наук. В настоящее время – профессор кафедры истории России Уральского государственного университета им. А.М.Горького.

ПАРХИМОВИЧ Сергей Григорьевич. Родился 29.IX.1955 года в городе Тавде Свердловской области. Историк, археолог. Живет в городе Тюмени. С 1973 по 1978 год учился на историческом факультете УрГУ. С 1978 года работал учителем истории в средней школе, с 1980 по 1984 год – научным сотрудником Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории УрГУ. С 1985 года – старший научный сотрудник Тюменского областного краеведческого музея.

* * *

Очерки "В поисках первых земледельцев на Урале", "Древние камнедобытчики Урала", "Дорогами арийских колесниц", "Незримые гунны", "Сыновья крылатых волков", "В стране маджуджей и яджуджей" написаны специально для настоящего издания.

Очерк "Аркаим" с небольшими сокращениями печатается по публикации в журнале "Наука и Жизнь" № 1 за 1995 год.

Очерк "Саргатские курганы" представляет собой сокращенный вариант научной работы Л.Коряковой, подготовленной для публикации в очередном номере "Уральского исторического вестника", издаваемого Институтом истории и археологии УрО РАН.

Очерк "Путешествие в Югру" – переработанный специально для настоящего издания вариант очерка "Встреч солнцу" из сборника "Очерки истории Коды". – Екатеринбург: "Волот", – 1995 г.

Очерк "Загадки столицы Сибирского юрта" публикуется с добавлением и сокращением по изданию: Овчинникова Б.Б. "Призрачный город на вечной реке. Размышления историка о столице Сибирского юрта": – Лики времени. КЛИО, вып.1, – Екатеринбург, – 1992 г. В очерке использована иллюстрация из "Ремезовской летописи".

Древность Урала

Очерки истории Урала
выпуск 2

Редакционная коллегия и издательство выражают благодарность
Уральскому государственному университету им. А.М.Горького
а также:

- АООТ "Екатеринбургнефтепродукт"*
- АООТ "Екатеринбургский муниципальный банк"*
- АООТ "Завод бурового и металлургического оборудования"*
- Государственному предприятию "Уральский электромеханический завод"*
- Государственному архиву Свердловской области*
- Государственному объединению "Уральский завод транспортного машиностроения"*
- Екатеринбургскому филиалу коммерческого банка "Мост-банк"*
- Журналу "Урал"*
- Институту истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук*
- Коммерческому банку "Энергокомбанк"*
- ОАО "Машиностроительный завод им. М.И.Калинина"*
- ОАО "Свердловскавтотранс"*
- ОАО УС "Свердловскметрострой"*
- ОАО "Свердловэнерго"*
- ОАО Строительно-промышленная компания "Средуралстрой"*
- ОАО "Уралмаш"*
- ОАО "Уралэлектротяжмаш"*
- ОАО "Уральская промышленная компания нефтяного машиностроения"*
- Отделению гуманитарного образования Института развития регионального образования Свердловской области*
- Свердловской железной дороге*
- Свердловскому областному краеведческому музею*
- Свердловскому отделению железной дороги*
- ТОО фирма "Лекас"*

за содействие и поддержку данного издания

Подписано в печать 16.12.96 г. Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Сигнальный тираж 500 экз. ЛРН071278 от 25 марта 1996 г.

Банк культурной информации: 620026 г. Екатеринбург, ул. Р.Люксембург, 56.
Тел./факс: +7 (3432) 22-15-46. Отпечатано в издательстве.

Содержание

Б.Б.Овчинникова "Введение"	2
Л.С.Богоявленский "В поисках первых земледельцев на Урале"	4
Н.А.Алксашенко "Древние камнедобытчики Урала"	18
С.А.Григорьев "Дорогами арийских колесниц"	34
М.П.Никулица "Аркаим"	44
Л.Н.Корякова "Саргатские курганы"	53
С.Г.Боталов, И.Э.Любчанский "Незримые гунны"	64
С.Г.Боталов "Сыновья крылатых волков"	70
С.Г.Боталов "В стране маджуджей и яджуджей"	76
В.И.Морозов, Б.Б.Овчинникова, С.Г.Пархимович "Путешествие в Югру"	85
Б.Б.Овчинникова "Загадки столицы Сибирского юрта"	101
Об авторах	110

Компьютерный набор и подготовка к верстке:
Оксана Капирулина, Александр Яценко,
Светлана Кошелева, Галина Сенюшкина.

Корректор
Нина Зайцева

Оригинал-макет
Степан Недвига

© Банк культурной информации, 1996 г.

© Б.Б.Овчинникова, 1996 г.

© Л.С.Богоявленский, 1996 г.

© Н.А.Алксашенко, 1996 г.

© М.П.Никулица, 1995 г.

© Л.Н.Корякова, 1996 г.

© С.Г.Боталов, 1996 г.

© И.Э.Любчанский, 1996 г.

© В.И.Морозов, 1996 г.

© С.Г.П., 1996 г.

